

Игорь Викторович Чубаха
Петр Ярвет
Римская рулетка

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=133923
Чубаха И., Ярвет П. Римская рулетка: роман: Крылов; СПб.; 2006
ISBN 5-9717-0090-1

Аннотация

Мир – это огромное казино, а люди в нем – крупье и клиенты. Не важно, что это за мир: нынешняя Россия или Древний Рим. И если вдруг тебя занесла нелегкая в прошлое, этак на пару с хвостиком тысячелетий, вопрос – крупье ты или клиент – никуда не делся. Вечная игра в выживание продолжается.

Итак, транзитом в Древнем Риме оказалось несколько наших соотечественников. И каждый пытается выжить, играя по привычным правилам. Чиновник – по чиновничьим, девушка – по правилам любви. Лейтенант ФСБ, раз за разом оставлявший зарплату в злочных заведениях начала XXI века, открывает казино для римских толстосумов...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	17
Глава 2	31
Глава 3	44
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Петр Ярвет, Игорь Чубаха

Римская рулетка

Пролог

У лейтенанта Андрея Теменева не было с собой даже бланка протокола. Сегодня он был направлен на оперативную работу в модный ресторан-бар «Одер», где ему следовало отслеживать перемещения главаря тоталитарной секты, а по совместительству вожака нацистской группировки Анатолия Белостока (Беляша). Кстати, стоило бы еще разобраться, что делал Андрей Теменев в казино «Олимпик» не далее чем два часа назад, вместо того чтобы пить пиво в баре «Одер» в окружении бритоголовых юнцов.

Вот полгода назад, да, его посылали в казино. Начальство сочло, что молодому сотруднику следует попрактиковаться и вжиться в атмосферу игрового бизнеса. Возможно, потом предстоит внедрение в одну из гембл-империй города. Прошла пара месяцев, и начальство спешно отозвало молодого сотрудника. Его отправили в трехнедельный отпуск, и где-то там наверху спорили из-за него. «Ну, сорвался пацан, – говорили одни, – на свои играл, в конце-то концов». – «А зачем нам этот, который сорвался на свои, а завтра и на чужие?» – мрачно долбил старорежимный полковник из отдела собственной безопасности, называющий контору не иначе как КГБ.

Старорежимный полковник как в воду глядел. Андрей Теменев в трехнедельном отпуске уже играл на чужие. Он вышел из отпуска и, будучи направлен на оперативную работу, удивительно мало уделял внимания главарю тоталитарной секты Белостоку. Даже чувствуя за собой слежку недремлющего ока собственной безопасности, он по поводу и без повода посещал казино. Если бритоголовые шли смотреть футбол в «Вегас», там уже ждал их Андрей Теменев. Если шлюха, снятая бритоголовыми, садилась в «десятку» к рыночному торговцу и ехала с ним в «Неваду», Андрей Теменев ехал за ними и пристраивался за соседним столиком. Рапорты Андрея читали сначала с усмешкой, потом с неодобрением: теперь он действительно хорошо знал игровую индустрию, но совсем не с той стороны, с какой хотелось бы начальству. «Или – или! – рявкнул без обиняков суровый подполковник, заменив все возможные обиняки матюгами. – Или ты сотрудник – так тебя трижды тридцать раз налево, или ты убогий наркоман от рулетки, и к чему тогда нам твое дзюдо, твоя снайперская стрельба, твои – так их во все места – аналитические способности?!»

Но Андрей совсем не был убогим игроманом. Он просто очень хотел отдать долги, и чем больше он хотел, тем больше предстояло отдавать. Он отыгрывался по мелочам и спускал по-крупному. Он изобретал методики и материл крупье, вписывая их в рапорта как распространителей синтетических наркотиков. Крупье откупались мелкими суммами и указывали на него бритоголовым юнцам, которых потом приходилось расшвыривать в темном переулке. Андрей увязал все глубже.

* * *

Желтый кленовый лист, разлаписто прилепившийся снаружи к стеклопакету, красно-речиво предвещал санитарному чиновнику Дмитрию Хромину худший день в его тридцатилетней жизни. Но Дмитрий Хромин не понял намек судьбы, а может, и не захотел.

Чиновник растегнул пуговицу отлично сшитого пиджака, способного скрадывать любые недостатки фигуры, откинулся на спинку кресла, обитого настоящим шелком и даже не распакованного еще из магазинного полиэтилена, и, глядя в чистейшее стекло белоснеж-

ного окна, с пластикового наличника которого еще не был содран строительный скотч, вздохнул счастливо и умиротворенно.

Затем Дмитрий Васильевич Хромин высунул руку за окно, отлепил желтый лист от стекла и рассмотрел повнимательнее. Лист как лист. Ничуть не отличается от тех, что прилипали к окнам квартиры этажом ниже двадцать лет назад.

Аккуратно ступая по только что отциклеванному и еще не покрытому лаком паркету, Хромин прошел по просторным светлым комнатам, наслаждаясь запахом свежего дерева, вышел в просторный светлый холл, где завтра повесят бра и установят домофон. Надо бы охрану посадить внизу – будочка из фанеры и милицейская форма для дворника, дорого, что ли?

Когда Дмитрий Васильевич Хромин, заведующий отделом коммунальной гигиены Центрального района, подъехал к дому, где прошло его детство, покупать шестикомнатную квартиру на третьем этаже, он нарочно не поднялся на лифте. Не обращая внимания на астматическое дыхание упитанного риелтера, он прошествовал по лестнице мимо дверей «двушки», где обитал библиотечный регистратор Святослав Васильевич Хромин. Худшие опасения оправдались: около двери толпились даже не собутыльники, а какие-то подростки, бритые налысо, со злобными лицами. «Неужели Слава в тридцать два года нюхает клей?» – ужаснулся Дима, тайно надеявшийся, что за время разлуки братец обзаведется хоть самой плохонькой семьей. Но бритоголовые, в черных куртках, зыркнувшие на риелтера и с новой силой принявшиеся звонить в бывшую квартиру доцента Хромина, не тянули ни на детей, ни даже на племянников.

Черт с ними.

Здесь будет перепланировка. А эту ванну мы уберем отсюда на хрен. А джакузи? Не надо джакузи, мы люди простые, мы вышли из «двушки» на втором этаже. А стеклопакеты? Обязательно! Дмитрий Хромин слушал риелтера-астматика и приведенного им прораба-меланхолика и думал, что на ремонт уйдет вся наличность и, значит, свадьба отложится еще на полгода. Потому что Дмитрий Хромин не любил трогать банковский счет без особых причин.

Впрочем, свадьбу, видимо, откладывать не придется.

Маша как раз из тех, что хороша, да не наша. Нет, никаких предрассудков, скромный санитарный чиновник вполне может быть принят в доме вице-губернатора города Петербурга. Единственное требование – это полная финансовая самостоятельность. Дмитрий Хромин не сомневался, что его банковский счет, да что там, все три счета уже проверены по запросу из Смольного и произвели самое благоприятное ощущение. Но перед тем как получить руку, сердце и влияние папы златокудрой Марии, требовалось соблюсти минимальные приличия. Нормальная квартира и пристойный медовый месяц.

Начали с квартиры. Маша приехала на второй день, одобрила район, планировку, подтвердила, что джакузи ни к чему, и согласилась потерпеть полгода. А там уж в Египет. Или Египет – это пошло? Или лучше в Таиланд?

На этом размышления были прерваны. Входная дверь оказалась открыта, и на ее пороге стоял черноволосый молодой человек в мокром плаще.

– Федеральная служба безопасности, – негромко сказал он.

* * *

– Оружие, ценности, наркотические препараты? – Старший лейтенант Андрей Темнев произносил эти заученные слова, быстрыми шагами обходя квартиру. За его недолгую практику это был самый несложный обыск. Квартира не только пуста, она светится чистотой

и пустотой. Словно говорит: смотрите, люди добрые, мне скрывать нечего, сколько в меня вбухано долларов, все мои!

– Телефончик сотовый, можно полюбопытствовать?

Дмитрий Хромин безвольно протянул Теменеву маленькую говорящую коробочку с голубым экраном. Чиновник сидел на единственном стуле на кухне, рядом с роскошной электроплитой, и его соломенные волосы уже прилипли ко лбу, придавая ему вид Иванушки-дурачка, мало того, Иванушки-неудачника. Хромин не ждал гостей, понял Теменев, но не удивился их появлению. Значит, поиски причин этого неудивления в пустой квартире сводятся к обыску карманов почтенного чиновника, особенно внутренних. Оперативное чутье – великая вещь!

– Какую сумму денег имеем при себе?

Пока Хромин собирался с ответом, Теменев листал последние вызовы, сделанные с мобильного. Вот неизвестная Маша с очень известной фамилией. Пять минут болтовни – это не деловой звонок, нет. Ах, аккуратный Дмитрий Васильевич, вы всегда записываете в телефон полные анкетные данные ваших абонентов. А что, если вашим абонентам не понравятся изменения в ваших анкетных данных?

– ...тысяч долларов, – пробормотал Хромин, невольно сглотнув конкретные числа.

Но Теменеву было довольно и интонации:

– Это ваши личные деньги, или они принадлежат кому-то другому? Погодите доставать! – приказал он, заметив, как рука чиновника полезла за отворот пиджака.

– Это... это мои личные...

– Это взятка, Дмитрий Васильевич, ведь так? – Теменев с удовольствием и очень уверенно обращался к собеседнику по имени-отчеству, как будто узнал их не пару минут назад, проверяя документы. – Это взятка, врученная вам коммерческим директором казино «Олимпик» не далее чем два часа назад. Я ведь не оформляю протокол, Дмитрий Васильевич, я не веду запись беседы. Давайте будем откровенны.

* * *

– Давайте будем откровенны, Дмитрий Васильевич. У вас в кармане сейчас лежит толстая пачка бумажек зеленого цвета. Если сейчас посветить на ваши руки ультрафиолетом, кончики ваших пальцев станут светиться. А на каждой банкноте появится красивая фиолетовая надпись: «взятка».

Чиновник Хромин глубоко вздохнул – свадьба откладывалась. Совсем не так он выглядел пару часов назад, когда хозяйской походкой вышел из внутренних помещений казино «Олимпик» и прошел по игровому залу, небрежно кивая угодливо суемящемуся рядом менеджеру. В прекрасно сшитом костюме, хилый – и оттого еще более уверенный в себе, некрасивый – и тем более обаятельный, с дурацкой желтой прядью на лбу.

И оторвавшийся от созерцания катающегося по черно-красному колесу шарика Андрей Теменев отчетливо понял: это его шанс. Это интуиция, это везение. Это, в сумме с удостоверением, лежащим в кармане, выигрыш на zero. Это деньги, которые за что-то там вручили этому сытому борову из власти другие сытые свиньи из криминального мира.

– Санитарные нарушения, – прохрипел Хромин, – их можно закрыть тридцать три раза.

– Вот видите, как просто говорить правду, – кривясь от собственного лицемерия, похвалил Теменев. И тут же почувствовал вдохновение – слова не нужно было придумывать, они рождались сами собой, естественно, как будто были правдой. – Именно поэтому я и здесь, Дмитрий Васильевич. Это ведь все не наша операция. Взятчиков ловит УБЭП, им важно, чтобы у чиновников руки не светились под ультрафиолетом. А я, как вы понимаете, из другой организации.

Он вновь сунул красную книжечку под нос Хромину. Тот повел глазами и слабо про-
стоиал что-то утвердительное.

– Нас, Дмитрий Васильевич, интересует казино «Олимпик», которое можно закрыть
не только за санитарные нарушения, уверяю вас. Поэтому я пришел прямо к вам, неофици-
ально. Если вы согласны говорить со мной – хорошо. Если нет – что же, я звоню коллегам
из УБЭП.

Хромин кивнул, желтые волосы лезли ему на глаза, он убрал их, пригладил пальцами.

– А... Деньги...

Теменев не ожидал, что главный вопрос будет задан прямо сейчас. Пришлось импро-
визировать.

– Деньги можете оставить при себе. Но прятать я вам их не советовал бы. Коллеги
могут появиться, – он демонстративно поглядел на часы, – в самое неподходящее время.
Впрочем, это уже ваше дело.

Оба умолкли. Оба напряженно размышляли.

– А... Может быть...

– Давайте решим сразу, – перебил Андрей, – мы сотрудничаем с вами? – дождался
кивка. – Ну, если так, то, в принципе, я могу оформить изъятие вещдока без упоминания
вашей фамилии. Но учтите, прикрывать вас мы не намерены.

На любом следовательском курсе вам расскажут, обучая ведению допросов, о могуще-
ственной силе бессмысленных фраз. Хромин вдумался в смысл, не смог понять, не осме-
лился переспросить и полез в карман. И вот тут Андрей Теменев допустил роковую ошибку.
Он дружески улыбнулся и многозначительным тоном добавил:

– Нехорошо заставлять волноваться дочку вице-мэра...

Хотел таким образом дать понять: мы знаем куда больше, чем говорим. Хотел наме-
нуть: мы не враги, мы просто вытаскиваем вас из щекотливого положения. Поэтому сам не
сразу въехал, отчего рука чиновника замерла за пазухой, а глаза глянули исподлобья.

Хромин ничего не достал из внутреннего кармана. Он потянулся к телефону. К обыч-
ному телефону, стоящему, за неимением в кухне стола, прямо на метлахской плитке под
ногами – пока шел ремонт, по аппарату звонили строители. Завтра его уберут и заменят агре-
гатом с факсом и дюжиной мобильных трубок.

– Вы куда звоните, Дмитрий Васильевич? – спокойно осведомился Андрей, чувствуя
горячую струйку пота, потекшую от шеи вниз, по позвоночнику. – Не нужно никуда звонить,
Дмитрий Васильевич.

Хромин набрал самый простой номер. Две цифры.

Теменев вспомнил. Два месяца назад покушение на вице-мэра. Бензиновые разборки.
Угрожали дочери.

«Урод недоделанный!» – обозвал себя мысленно Андрей.

– Алло, – дрожащим голосом произнес Хромин. – Ко мне только что пришел человек,
называющий себя...

Андрей Теменев наклонился и резким движением рванул аппарат в сторону. Оборва-
лись оба шнура: к розетке и к трубке в руках Хромина. В тот же момент Дмитрий Василье-
вич Хромин трубку отшвырнул и, высоко, по-бабьи, взвизгнув, метнулся прочь из кухни в
холл, к незакрытой входной двери.

* * *

Святослав Васильевич Хромин сидел на кухонной табуретке, обхватив голову ладо-
нями и закрыв уши. При этом голова его почти касалась лбом колен, борода щекотала лицо
и руки, и вообще весь вид бывшего идеалиста заставлял усомниться в главенстве духовного

величия над материальной непрухой. Стоило отодвинуть ладони от ушей, как из комнаты доносился голос Анатолия Белостока, по паспорту – Анатолия Беляша, а в пределах данной квартиры – Магистра Белого.

– И смешается кровь отроковицы невинной из племени, враждебного расе арийской! – торжественно и нараспев повторяли за Магистром несколько надтреснутых молодых голосов. Затем слышалось чоканье, как будто в соседней комнате поминали кого-то или справляли свадьбу.

Святослав Хромин притянул к себе стоящий прямо на грязном линолеуме телефон, поднял трубку и набрал простой номер из двух цифр. На второй Святослав задумался, не дал диску повернуться и нажал на рычаг аппарата.

«Что я им скажу? Что у меня в квартире завелась тоталитарная секта? Как тараканы, что ли, сами?»

С Анатолием Белостоком Хромин познакомился, как это ни смешно звучит, в парикмахерской. Не так просто, как кажется, подстричь бороду, если это не мальчишеский кустик, а настоящая православная борода. В непрекращающихся духовных исканиях между Бердяевым и Булгаковым Святослав как-то обнаружил парикмахерскую недалеко от Лавры, где на его глазах какой-то шустрый еврей равнял бороды жизнерадостным священникам, а в преискуранте черным по белому значилось: «Бритье и стрижка бород и усов». Очередь оказалась совсем невелика, вернее, ее составлял один-единственный детина, пожалуй, ровесник Хромина, но не в пример внушительнее, хотя скорее материально, нежели духовно. Пятнистый, защитного цвета комбинезон на детине был застегнут наглухо, высоченные, похожие на сапоги черные ботинки и густая, нуждающаяся в очередной стрижке борода странно смотрелись при совершенно голом черепе.

– Садись, папаша! – дружелюбно рявкнул лысый. – За мной будешь! – и поглядел испытующе, словно Хромин должен был его узнать и, как минимум, попросить автограф.

Хромин сел в продавленное креслице.

– Сам, что ли, из попов? – осведомился человек в комбинезоне. – Белосток! Бу знакомы!

– Хромин. Историк, – коротко, не зная, как себя держать, пояснил Святослав.

– Историк? – восхитился Белосток. – Это, что ли, из этих?...

К «этим» собеседник отнес прошедших через приемную, переговариваясь, двух веселых батюшек. Один рассказывал про сбор подберезовиков в Дибунах, другой косился на Белостока, не замедлившего вскрикнуть:

– Бог помощь вам, попки любезные! – после чего поднялся, хрустнув плечами, и, без малого не своротив макушкой притолоку, протопал в зал, откуда тут же загремело: – Ну, здравствуй, Мойша! Что же я в тебя такой влюбленный?!

Надо было тогда же, и уйти, подумал Хромин. Ничего бы, походил денек с нестриженной бородой.

– Тебе куда, историк? – взревело за левым плечом, когда Хромин вышел из парикмахерской причесанный, ухоженный и пахнувший одеколоном шустрого еврея. – Давай подвезу! Давно бы спалили цирюльню, да Мойшу люблю! Но странную любовью! – захохотал Белосток.

Точно так же он хохотал на всех фотографиях в раздаваемой у Гостиного двора газетке «Арий». Иногда Белостока сажали в тюрьму, как соучредителя газетки, и тогда он продолжал хохотать – только с ее страниц. Но неизменно появлялся в реальности и хлопал по плечу в самое неподходящее время:

– Историк! Расскажи про татаро-монголов!

Дежурная шутка осточертела быстро. Святослав не хуже Белостока-Беляша знал, что не было никакого татаро-монгольского ига, придумано оно в позднейшие времена династией

Романовых в угоду Европе, чтобы внушить наследникам великой некогда евразийской империи миф об отсталости и забитости Древней Руси. Но бритоголовый Анатолий шел дальше.

– Русская нация синтетична! – кричал он, комкая рукав Хромина. – Когда крестоносцы пришли в северную Балту, они имели не военную, но мистическую цель! Они привели с собой половецких, то есть польских, наложниц, выполняя предназначение создать на берегах последнего моря новую расу. Сеть прибалтийских замков и монастырей защищала колыбель новой цивилизации! Здесь должны были найти свое чудесное завершение и слияние две древнейшие цивилизации: античная ромейская и ататюркская, достигшая высшего развития в империи царя Чингиза. Зороастр всю эту ботву называл северным Чудом – так возникла Чудь, истинная прародительница Руси, ничего общего не имеющая с хохляцким Киевом! Но ставленник шведов Александр предвидел будущее могущество нового народа. Изменив слову, данному наследникам царя Чингиза, он устроил бойню на Чудском озере и принудил православие стать игрушкой в руках католиков! А эти серые попы молятся ему в своей часовне, памятники ставят!

После нескольких подобных бесед в ресторане «Одер» Святослав Хромин перестал посещать парикмахерскую у Александро-Невской лавры, но было уже поздно. Каким-то образом Белосток раздобыл адрес и зачастил к нему, сначала один, а потом и с компанией. Хромина он представлял как «научного работника, разделяющего наши взгляды» и при каждом визите доставал из книжного шкафа увесистые тома, раскрывал, где попало, и хохотал громовым голосом:

– Слепым нужно быть, чтобы не видеть границ империи: Карлс-Бад, Ашха-Бад, Улан-Батор! А все восходит к имени Батый, да и не к имени, конечно, а к древнему обращению «Батя»!

С собой Беляш приводил подростков, особенно отличившихся в продаже газет. Белостока они тоже называли Батей. Иногда они появлялись исцарапанные, с разбитыми в кровь кулаками, хвастались друг перед другом продолговатыми синяками на теле, говорили: «Менты звереют». В такие дни Батя бывал с ними особенно ласков, рассказывал о чудесно устроенной древнебалтийской республике, где жил народ Чудь, или Людъ. Мальчики высказывали собственные идеи, например о том, что не зря ставленников Рима называют Романовыми.

– Историк! – кричал Батя. – Ты послушай, что этот сопляк сказал! У него в голове больше, чем во всей твоей науке!

Подростки, однако же, на Хромина косились, и однажды один, мрачный и тонкоголовый, о чем-то мрачно нашептал на ухо Белостоку. Белосток поднял тяжелую, похожую на лопату пятерню и съездил адепта по затылку.

– В моем штабе, – наставительно процитировал он одного немецкого маршала, – я сам решаю, кто еврей, а кто нет!

Вскоре после этого инцидента начштаба обратился к Хромину конфиденциально, заявившись с утра, трезвым и серьезным:

– Историк, мы вообще, зачем все делаем? – мрачно спросил он. Поскольку Хромин молчал, Беляш уточнил: – Мы вообще газетки у метро продаем или об истории думаем?

Историк ответил в том смысле, что, в общем-то, думает об истории.

– Я тебя знаю, – продолжал Батя-Белосток-Беляш, – ты материалист, в тебе рационально много.

Святослав Васильевич заикнулся было возразить, что он идеалист со стажем, немало за это пострадал, да и не еврей, если уж на то пошло, а, как он специально уточнял в свое время у папаши Василия Петровича, в малой степени грек, но не успел.

– Ну и плевать я хотел на тебя. Пусть это будет обряд. Обычный, блин, обряд, как в ваших учебниках. Ты же, блин, историк, неужели ты против обряда, нормального русского обряда?

– Я не против обряда, – ответил Хромин, с тоской чувствуя, что дело сводится к какому-то шабашу в его и без того многострадальной квартире.

– Помнишь того сопляка? – повеселев, спросил Белосток, почесывая бороду. – Этот сопляк записался в ЭрЭнБэ. Не в ЭрЭнБ, заметь, а в ЭрЭнБэ!

Мальчик действительно записался в Российскую национальную библиотеку, в просторечии Публичку, и вел себя по этому поводу так, как будто пробрался в архивы Госдепа США.

– Они видели, что я бритый! – с жаром рассказывал лазутчик. – Видели, но только посмотрели косо, а что сказать-то? Ничего не сказали, записали.

Уже через два дня на стол Белостока, вернее сказать, на стол Святослава Хромина, за которым писал свои патетические статьи Белосток, лег манускрипт. Документ был вырван отважным бритоголовым читателем из пыльных архивов национальной библиотеки и пожелтел настолько, что его едва удавалось прочесть под настольной лампой.

– Ему лег двести! – восторгался юный пытливый ум. – А может, и триста!

...Пятнадцать свечей из чистого пчелиного воска и столько же из воска серного. И был я там, и возвращался оттуда, и всякий раз луна была в едином знаке небесном, и час било тринадцатый, и жертва принесена была. Юноша непорочный принял на себя грех прелюбодеяния с отроковицею невинной из племени, враждебного народу святому, но не овладел ею, будучи лишен сознания. И смешалась кровь сына народа древнего с руками, меченными печатью неизгладимой золотом неправедным, и детищем народа древнейшего, страстью снедаемого чистою, не срамной, каких не знают твари Божия. И было то в канун дня сговора сильных мира сего, огнем вселенским владеющих. Но сырые духом и разумом убогие сдержать пытались обряд великий, древний, вечный. И лег мост огненный между былым и настоящим, а грядущее в тумане скрылось. И стал мир древний, изначальный...

Вся эта белиберда, как отчетливо видел Хромин, была вырезана перочинным ножиком из скверно и аляповато напечатанного бульварного журнальчика начала двадцатого века, может быть даже «Нивы». Но Белосток даже не подумал задавать вопрос, имеет ли написанное смысл.

– Историк, – медленно, вглядываясь в обрывок пожелтелой бумаги, спросил атаман, точь-в-точь тот профессор на филфаке, который принял на душу грех завалить юного Вячеслава, – народ древний и народ древнейший?

– Чудь, – на опережение подсказал тонкоголосый пацан с мрачным взглядом.

Белосток оглянулся так, словно хотел снова вклеить подзатыльник, да серьезность момента не позволяла.

– Чудь есть смешение двух ветвей арийской расы – тевтонцев с ататюрками, – нравоучительно объявил он. – Свечи мы достанем. Тевтонцы у нас есть. Историк, нам нужна ататюркская девственница.

* * *

Когда Айшат было восемь лет, она влюбилась в русского солдата. Недалеко от их дома, на горе, за проволочной сеткой, была воинская часть. Дядя Салим вздыхал перед ужином и непременно говорил за вечерней молитвой: «Господи, когда враги наши уйдут...», а дальше перечислял множество богоугодных дел, которые предстоит совершить в этом благословен-

ном будущем. Маленькая Айшат с детства знала, что на горе живут идолы зеленого цвета, которые бегают быстро, имеют цепкие руки и больше всего на свете мечтают о маленькой тавларской девочке, чтобы закопать ее под грудой камней. Иногда на улицах, натыкаясь на кучи строительного щебня, Айшат понимала, что еще одна тавларская девочка не уберется. Но годы шли, девочка становилась старше, и ей уже хотелось взобраться на гору, поглядеть на таящийся там ужас.

Идол стоял за проволочной сеткой, в руках у него был точно такой же карабин, как тот, что дядя Салим прятал за старыми ульями в подвале. У идола была совершенно гладкая голова и веселая улыбка.

– А, черная! – радостно приветствовал он Айшат. – Ты чего хочешь, черная?

Айшат знала это слово по-русски, и оно ей ужасно понравилось. Было здорово, что такой здоровенный и страшный идол с первого же взгляда оценил ее роскошные смоляные косы. Айшат засмеялась и убежала вниз по каменистому склону.

Месяц прошел, пока дядя Салим уловил изменение настроения племянницы и проследил путь ее ежевечерних прогулок. За это время отношения юной тавларки с солдатом превратились в самые серьезные: она понимала уже три-четыре русских слова, а он, к ее огорчению, перестал называть ее «черной». Дядя Салим выслушал русские слова из уст племянницы и вздохнул особенно тяжело.

– Он – мой друг! – вопила Айшат, когда ее запирали под замок.

Месяц ее не выпускали даже на улицу, что для девочки в ее возрасте не только неприятно, но даже неприлично. Через месяц, ночью, дядя Салим вывел всю семью во двор и спрятал в погреб. На горе полыхали дощатые здания за проволочной сеткой.

– Господи, если только наши враги дойдут до наших домов... – бормотал дядя Салим, выкапывая из-под старых ульев ручной пулемет и устанавливая его на крышу дома.

Пулемет простоял на плоской крыше пару лет и надоел всем ужасно. Айшат перестала верить во врагов дяди Салима, как только обнаружила, что об идолах на горе он говорит теперь иначе:

– Господи, с тех пор, как ушли наши друзья...

Айшат было приятно, что ее круглоголового друга оценили-таки по достоинству, но руины на вершине горы постепенно зарастали кустарником, а дядя Салим вздыхал все отчаяннее.

– С тех пор, как наши враги имеют власть над нами...

– Эй, черные! – кричали проходящие на двор люди в штатском, но с карабинами, болтающимися на ремнях. Ни один и близко не был похож на того славного идола. У всех на головах громоздились нечесанные лохмы, все были пыльные и неопрятные. В первый раз они не нашли пулемет и увели дядю Салима. Во второй – он отдал пулемет сам. Айшат скучала и учила русский язык. По выходным семья собиралась и слушала стихи великих поэтов.

– Господи! – просветлел дядя Салим, которому теперь придавал дополнительной меланхоличности перебитый на сторону нос. – Наша Айшат будет артисткой!

Жизнь снова приобрела для него смысл, он перестал поминать врагов и достал из подвала улы. Жизнь в Гушано-Тавларской республике входила в колею, хотя каждую зиму, примерно в феврале, внизу по склонам долины начинались пожары. Айшат не очень расстроилась, когда, подсчитав зеленые бумажки с изображением широколицей старухи, дядя Салим торжественно объявил, что везет Айшат на север учить ее на русскую артистку. Насколько понимала Айшат, когда сгорела застава на горе, все русские солдаты уехали тоже на север. Удачное совпадение.

Когда после нескольких дней тряски в железнодорожном вагоне Айшат прочитала несколько русских стихов в здоровенном, как и все в этом жутком городе, здании, дядя Салим погрустнел.

Они жили теперь в бревенчатом доме, очень похожем на тавларский, тем более что все соседние дома занимали неизвестные ей ранее родственники. Соседи приходили в гости к дяде Салиму, слушали русскую речь Айшат и горестно вздыхали о неведомых врагах. Дверей дядя хоть и не запирает, но предостерегал племянницу взглядами. Он ждал зимы и договаривался со знакомыми, чтобы пристроить куда-то торговать «девушку с прекрасной русской речью, только чтобы было кому присмотреть». Прописка? Опять прописка? Господи, когда наши враги нас пропишут...

Айшат хотела снова посмотреть город. Он ей очень не понравился, напугал, как в свое время гора, где жили идолы. Больше всего город походил на старый немывтый улей. На улицах совсем не было солдат, более того, ни одного человека с гладкой головой, не считая лысых. Но лысый – это совсем не то. Дядя Салим, между прочим, тоже лысый.

– Айшат, со мной сегодня приедет хороший человек, наш дальний родственник. Пожалуйста, встретить нас сегодня на автобусной остановке. Надо понравиться ему.

Автобус опаздывал. Айшат оглянулась на окна своего дома, потом снова поглядела на дорогу, и тут мимо проехал автомобиль, несчастный гость на этом раздолбанном шоссе. Машина притормозила чуть поодаль, потом задним ходом вернулась к луже, выбитой колесами машин возле остановки.

– Эй, черная!

Возможно, она и вспомнила бы занудные объяснения дяди, что в этой стране подобное обращение не комплимент, а повод заподозрить в спрашивающем врага. Но в окно машины высунулась совершенно бритая голова, и это решило дело.

– Ты шахидка, что ли? Чего ждешь?

– Автобус, – сказала она, невольно улыбаясь и стараясь правильно произносить фразу. – Я не шахидка. Я тавларка. Меня зовут Айшат.

* * *

Долгие годы позднего социализма семейство профессора истории Василия Петровича Хромина, любезного папаши, ютилось в кривоватой и темной «двушке» на втором этаже великолепного, но обветшалого особняка в одном из переулков Петербурга. Братья Хромины, Митя и Слава Васильевичи, росли в полумраке, разглядывая средневековые гравюры и офорты античных ваз, развешанные на стенах. На офорты иногда текло с потолка, и тогда папаша Хромин поднимал очки вверх и говорил: «Там ведь роскошная квартира, но коммуналки населены быдлом». С годами, а также с потерей кафедры в Институте водного транспорта папаша Хромин стал раздражителен, и его выводили из себя разговоры сына Мити. Сын Митя утверждал, что хочет стать бюрократам. На разумных бюрократах, утверждал он, мир стоит.

– Бездуховность – примета времени, – горестно кивал папа Хромин сыну Славе, щурившему близорукие глаза над «Историей государства Российского». Сын Слава был надеждой доцента и готовился поступать в университет. Доцент кашлял.

– Тут просто темно, – доходчиво объяснял сын Митя, выкладывая из карманов дефицитную зубную пасту, купленную на доходы от спекуляции батарейками для плеера. – Когда мы разбогатеем, то купим квартиру этажом выше...

– Ты купишь себе квартиру в колонии общего режима! – грозно восклицал доцент.

Но тут папаша был несправедлив, сын Митя учился прилежно и перво-наперво просчитывал все варианты конфликта с существующим законом для их исключения. Разумный бюрократ не должен воевать с властью. Он сам будущая власть. Сын Митя поступил с первого раза в Академию сангигиены имени Эрлиха. Сын Слава провалил экзамены по филологии в Универ и четыре института подряд. Подвел принципиальный идеализм.

– Наградил бог потомством, – хрипел бронхитом доцент в палате интенсивной терапии. – Один помойки чистит, другой из себя Галилея строит!

– Дух первичен, а материя вторична! – строго отвечал сын Святослав, начавший отпущать бороду. Из военкомата он ушел со справкой в психдиспансер и, уверившись в заговоре бюрократов всех мастей, перестал общаться с братом.

Митя подсчитал деньги, заработанные ночным сторожем, и снял комнату на окраине.

– Они не то запоют, – объяснял он квартирной хозяйке, – когда я куплю квартиру этажом выше. – На пороге был новый, 1990 год.

Доцент Василий Хромин скончался вскоре после Нового года, и на поминках сын Святослав на вежливое предложение брата чокнуться водкой только качнул молодой, но достаточно густой уже русой бородой. Это дружелюбное движение оказалось доброй третью массива общения между двумя братьями примерно на десять бурных последующих лет. Еще дважды они встречались на улицах. Брат Митя расклеивал театральные афиши, когда брат Слава устало тащил с какой-то демонстрации потрепанный плакат.

– А ты все в лакеях? – тепло поприветствовал он Митю, получающего по десять центов с каждой афиши.

При следующей встрече санинспектор Дмитрий Хромин уже сидел за рулем автомобиля, подержанного, но достаточно мощного, чтобы сбить Святослава Хромина, бредущего домой в сильном подпитии. Вывернувшись из-под колес, Слава погрозил водителю кулаком и узнал родные черты.

– А ты все воруеть? – рявкнул брат Святослав. Борода его приобрела мочал очный вид, в глазах зарождался нездоровый блеск.

* * *

– Тавлары – отдаленные потомки персов, ассимилированные культурой восточного побережья...

– Персы – это арийцы? – нетерпеливо перебил Белосток. Сегодня, ради торжественности момента, он был в белом свитере, белой пиджачной паре и черных начищенных ботинках. Видимо, с его точки зрения так выглядят Великие Магистры.

Пока его подручные не привезли дико озирающуюся чучмечку, он доказывал Святославу, что справедливость есть. Наконец-то его собственное имя скажет все само за себя. Он ведь Белаш. Не Беляш, как пишут в желтой прессе его враги, в смехотворной надежде унижить. Древнее тевтонское имя Белаш, означающее «белый», или «чистый», по аналогии с легендарным крылатым конем. Слепому видно, что Пегас – это просто-напросто Пегаш, «пегий конь», иначе говоря. Этруски, Пруссы, Русские... Названия вы, историки, навывдумывали разные, а язык один, слова одни, народ один. Короче, тевтонцы у нас есть.

– Собственно, персы – это арийцы, – устало согласился Хромин. В соседней комнате невнятно мычала связанная невинная отроковица и, сверяясь по вырезке из «Нивы», расставляли свечи подростки. Белосток, вернувший себе исконное имя Белаш, недоверчиво нюхал склянку с эфиром, должно быть сомневался, удастся ли лишить сознания невинного юношу, когда он полезет овладевать связанной жертвой. Подростки едва не подрались за эту почетную Роль, но Батя усовестил всех рыком: «Кровь будет моя!». Вот тут-то Хромин и ушел на кухню. Он так и не заставил себя спросить, как собираются ценители древних обрядов реализовать простенькие слова «жертва принесена».

Кому звонить? За последние годы у Святослава Хромина не прибавилось друзей, цепь жизненных неудач увеличивала только список врагов, супостатов, бюрократов, завистников, инородцев и прочих людей, от которых не приходится ждать помощи в трудную минуту. Почему-то Святослав вспомнил про брата. Скривился. Если бы даже знал его сотовый, что

бы он сказал? «Димочка, приезжай, сейчас в комнате нашего папаши, доцента Хромина, мои друзья зарежут отдаленную наследницу персидских царей?»

– Золото несправедное, – зачитывал по бумажке унылый подросток в соседней комнате, выгребая из кармана рваную цепочку с кулончиком в виде знака доллара, измазанным бурными потеками, – страсть, тварям неведомая...

– Это что? – грозно спросил Белосток.

– Диск. «Постал», часть вторая.

Послышалась звонкая оплеуха.

– Сам сказал, что это игры! – завопил разобиженный подросток.

– Азартные игры, ублюдина! – бушевал в ответ Белый Магистр. – Не компьютерные, не настольные, не футбол-хоккей! Вот тебе полтинник – карты – колоду – любую – быстро! Да заткнись ты, ради бога!

Последнее относилось к связанной пленнице. Ее водрузили на стол, и, не ожидая от этой процедуры ничего хорошего, она снова замычала.

«Вот встану сейчас, – подумал Святослав, комкая бороду в кулаке, – и скажу им: пошли вон, уроды! Я просто хочу сидеть у себя дома, читать книги, и больше мне ничего не нужно. Ни квартиры этажом выше. Ни моста между грядущим и минувшим. Ни духовности».

– И не дай тебе бог ее трахнуть! – предостерегал своего подающего надежды ученика Батя. – Не дай бог! Не рыпайся, тихонько падай под эфиром и лежи себе. Кровь будет моя! Что ж вы телитесь, убогие, нам до часу успеть надо, до часу дня! Где карты, мать вашу?

В дверь зазвонили, и кто-то из подростков с дробным топотом побежал открывать. «Уже все и забыли, чья это квартира, – мрачно подумал Хромин. – Сидит кто-то на кухне, и ладно».

– СЛАВА!

* * *

Дмитрий Васильевич Хромин закричал прежде, чем распахнулась дверь ему навстречу. Похоже, он выбил ногу в колене, прыгая через четыре ступеньки, и подкоркой признал, что пытаться выбежать на улицу так же безнадежно, как и дожидаться лифта. Он слышал, как молодой человек в промокшем плаще открывает дверь его недоотремонтированной квартиры этажом выше. Дима знал, что тот, в отличие от него, отлично умеет бегать по лестницам, догонит на втором или третьем марше и прыгнет на спину, ломая позвоночник. Злодею даже не придется вытаскивать пистолет, спрятанный под мышкой.

А может быть, визитеру и не надо калечить чиновника Хромина, только оглушить? Ведь Маша говорила: «Те, кто тогда стреляли в папу, – хуже зверей. Это наши враги, они через полгода похитили нашего бывшего шофера. Он им ничего не сказал и, когда его нашли, еще жив был, только кожа на нем полосами висела...»

Андрей Теменев зацепился карманом плаща за великолепную медную ручку на внутренней двери и чуть не грохнулся. Светловолосый чиновник Дмитрий Васильевич, чью фамилию Андрей, как на грех, забыл, стучал каблуками уже где-то этажом ниже. Теперь нельзя было даже споткнуться, две секунды промедления, и преследуемый выскользнет на улицу, где присутствуют люди, где не найдется времени сбить с ног, оглушить, вытащить пачку денег из кармана и пихнуть взамен маленький пакетик с белым порошком.

Андрей не знает, что в пакетике, но с готовностью отдаст его на экспертизу, а там, чем черт не шутит, обнаружится, что это доза крека, героина, иначе говоря. И хотя Дмитрий Васильевич готов будет рассказать всю неблагоприятную правду о шантаже со стороны сотрудника ФСБ, что-то его удержит от этого. А там обнаружится, что в пакетике зубной порошок, и

Андрей извинится за незаконное задержание и вернет чиновнику примерно треть из злополучной пачки купюр.

Бритоголовый подросток открыл было дверь, но вместо ожидаемого соратника с колодой карт в прихожую ворвался человек, хорошо одетый, но плохо выглядящий. Желтые волосы были взъерошены, в руке незнакомец крепко сжимал телефонную трубку и при этом орал:

– СЛАВА!

Подросток за свою недолгую жизнь дрался с отцом, бил рэперов, попадал в милицейские облавы и даже участвовал в погроме арбузной палатки, но, оказавшись в неочевидной ситуации, растерялся. Прежде всего он не был уверен, что вбежавший не исполняет часть обряда, о которой сверх меры нынче распахивавшийся Батя мог и не предупредить. Поэтому юнец просто качнулся в сторону, предоставив ситуации разрешиться самой, и ситуация с перекошенным лицом пробежала мимо, прямо к месту ритуала. А на лестничную площадку, как чертик из табакерки, выпрыгнул какой-то тип с неприятно правоохранительной наружностью. На попытку поскорее захлопнуть дверь мент отреагировал стремительно: махнул в воздухе красным удостоверением, а увидев, что дверь продолжает захлопываться, саданул по ней с нужной силой. Бритоголовый успел произнести:

– Мен... – после чего угол двери рассек его правую бровь, отправляя в глубокий нокаут.

Анатолий Беляш как раз закатал рукав белого свитера и теперь неторопливо прицеливался блестящим скальпелем в свое запястье. Процедура была хорошо знакома – первый раз он резал себе вены, спасаясь от армии. Второй раз, разбив бокал шампанского, окропил красным скатерть на свадьбе, куда его не звали, но он пришел. Каждый раз он одевался в белое, потому что хотел уйти, одетым в белое, быть, это смешно, а может быть, и судьба.

Недаром он родился в Белостоке, где служил в Западной группе Советских войск его отец.

Трезвон из прихожей заставил магистра поморщиться: этот остолоп, приносящий на обряд древнего жертвоприношения компьютерные диски, достоин в лучшем случае расстрела, а никак не иноземной отроковицы. Отроковица тоже оставляла желать лучшего, лежала и мычала, тарашась. В конце концов, если ничего не выйдет, можно будет отрезать уши. Это производит впечатление.

– СЛАВА! – заорал в прихожей какой-то идиот.

Первая мысль – баркашовцы или лимоновцы. Вроде бы делить с ними нечего, но никогда не знаешь наверняка. Потом у двери кто-то что-то вякнул и произнес непонятный слог.

– Облава! – закричал Белый Магистр и привычно рухнул на пол, положив ладони себе на бритый затылок.

Айшат пошевелила затекшими руками и, до боли скосив глаза, увидела, как скрывается под столом бритый и бородатый великан, как с треском распаивается фанерная дверь и на пороге возникает человек с телефонной трубкой. Дикими глазами окинув круг свечей на полках книжных шкафов, нагрянувший джигит бросился к выдвинутому на середину комнаты и опрокинутому письменному шкафу, некогда принадлежавшему доценту Хромину, а ныне ставшему жертвенным ложем тавларской девушки. Вдруг джигит узрел Айшат, крепко привязанную к вколотым в благородное дерево пятидюймовым гвоздям, и остолбенел, будто витязь в тигровой шкуре с обложки единственной книги, против которой дядя Салим никогда ничего не имел.

– Дмитрий Васильевич! – вежливо, но громко произнес Андрей Теменев. Он смотрел только на Хромину и не спешил дивиться здешней обстановке. Карман его плаща был оторван, а в руке он держал сотовый телефон. – Вы забыли, Дмитрий Васильевич.

Санитарный чиновник пискнул, как мышь, которой наступили на хвост, и с разворота, но довольно смешно ткнул кулаком в лицо преследователя. Целил в нос, а попал в зубы, раскровенил себе руку и затанцевал, дуя на покалеченные пальцы.

Старший лейтенант Теменев сплюнул чужим красным, присел на корточки и извлек словно бы из левого носка тупоносый предмет, похожий на пистолет, сказав угрожающе:

– Дурак ты, Дмитрий Васильевич.

Хромин– старший отшатнулся и сел на жертвенный шкаф, придавив руку Айшат.

Хромин– младший, только что выбравшийся из кухни, переступивший через бесчувственного скинхеда и приотворивший неплотно висящую на петлях дверь, в первую очередь увидел колышущийся золотистый свет. Эти идиоты не только повесят на него ритуальное убийство, но и спалят квартиру. Нет, все-таки надо сбрить бороду.

– Вот карты, я принес... – тонким голосом говорил запозднившийся бритоголовый подросток, стоя на лестничной площадке. В квартиру он войти не решался.

Собственно, квартиры и не было. Прямо за дверь висел в пространстве уходящий в неясный туман, огненный мост.

Глава 1 NIL ADMIRARI¹

Иссушенная солнцем и истоптанная тысячами, миллионами ног белая дорожная пыль мягко глушила поступь двух великолепных коней. Только изредка кремень или потемневшая, отслужившая свое пряжка сандалий звякали под копытом, и тогда благородное животное, чутко прядая ушами, оглядывалось на седока, словно спрашивая, а не высечь ли искры бодрой рысью. Но всадники не были расположены к стремительной скачке в этот жаркий день. Одежды обоих были скрыты под дорожными плащами, и все же сразу чувствовалось, что путешественники – люди тоги, привыкшие повелевать и полагаться на разум и красноречие в той же мере, как на отточенный меч и туго набитый кошелек.

Потому и путешествуют они вдвоем, что даже скучную дорогу летним днем способны превратить в приятное и полезное времяпрепровождение, обсуждая торговый вопрос или политическую интригу или же просто развлекая друг друга содержательной беседой. Ибо лучшее, что может делать человек, это совершенствовать себя без всякой корысти. Подобно тому вниманию, какое вы уделяете совершенствованию своего тела, интеллект, питаясь живой и содержательной беседой, обязан развиваться ежедневно и ежечасно, если вы и впрямь желаете к годам расцвета, то есть к тридцатилетнему возрасту, решать судьбы империи.

Такого мнения придерживались оба всадника, ничуть не страдающие от жары, поскольку позволяли себе одеваться в ткани самого лучшего сорта и вполне наслаждаться той самой дорогой, на которой погибает треть захваченных в плен и обращенных в рабство варваров – на пути в Вечный город. Двое верховых могли спокойно наслаждаться буйством красок, высвеченных горячим средиземноморским солнцем, тучностью стад, пасущихся в отдалении, богатством виноградника, сбегаящего по склону холма той области, которая должна была прославиться в будущем редкостными итальянскими винами и уже теперь носила громкое и грозное имя Кампанья.

Их взор радовали попадающиеся тут и там колонны и портики из розового маланийского мрамора, причудливая роскошь вилл зажиточных горожан, повсюду разбросанных в прихотливых складках рельефа, а то а огромный амфитеатр, тот самый, что был построен по указу жестокого диктатора и которому предстояло пережить множество диктаторов будущего.

Но внимание путников было занято другим – она вели разговор, и опытный наблюдатель сразу понял бы, что связывают беседующих узы совершенно особого свойства. Это были учитель и ученик, причем именно то сочетание, когда учитель заслуженно уважаем, а ученик по заслугам любим. Итак, мы имеем счастливую возможность сообщить вам разговор двух блестящих интеллектуалов эпохи тучных виноградников и портиков из розового мрамора.

– ...Затем повторю тебе вновь, – настаивал учитель, в свои сорок выглядевший на редкость молодым. Если бы не широкая известность, то встречный мог бы принять его за наставника по фехтованию или гимнастике отпрысков титулованных семей. Но слишком велика была известность прославленного философа, чтобы любой случайный прохожий понял – не мечта о физическом совершенстве заставляет безусого юношу в незапятнанной, подвернутой на бедра тоге с фиолетовой вышивкой ловить каждое слово своего наставника. – Повторяю сказанное вчера, потому что мысль эта станет краеугольным кам-

¹ Ничему не удивляйся (лат.).

нем наших рассуждений и диалогов на протяжении ближайшего семестра. Не следует удивляться ничему в этом мире. Поскольку нет необъяснимого, нет и неведомого, нет и удивительного, то есть не подвластного человеческому разуму.

Юноша зачарованно слушал, потом достал из складок плаща удобную для переноски дощечку, покрытую слоем воска, порылся за поясом в поисках стилоса и, не найдя, вынужден был ногтем отчеркнуть на дощечке пару слов, которые на современный язык можно перевести как «поз.», «нонад.», «перип.». Таким образом молодой человек конспектировал и искренне надеялся потом разобрать философское течение (позитивизм), тему диалога (нонадмирация) и стиль беседы (перипатетический).

Солнечный диск приближался к полудню, когда над застывшими в летнем зное холмами возникла и задрожала изжелта-белая, словно отблеск на мече гладиатора, дугообразная полоса. На какую-то секунду она окрасилась во все мыслимые и упоминающиеся в физических трудах цвета, ударились о зеленый склон вблизи того места, где белесая лента дороги избегала на ближайший холм, и исчезла в небе, оставив перед глазами тающий дугообразный след, теперь уже черного цвета.

Кони встали, как вкопанные, и вопросительно повели головами в ожидании конкретных указаний от хозяев. Примерно с тем же выражением поглядел на учителя и юноша в тоге. С одной стороны, почтение к интеллекту наставника позволяло заподозрить, что все это хитроумно подготовленная иллюстрация к философской беседе. С другой – в глубине сердца каждого наставляемого всегда живет подспудная надежда на то, что внезапно сама жизнь опровергнет вдалбливаемые истины, на костях коих можно будет славно поплясать.

Но наставник и бровью не повел.

– Впервые мысль о беседе подобного толка возникла в моей голове в придорожной таверне, когда я наблюдал, с каким восхищением ты взирал на немудрящие чудеса проезжих фокусников, заключающиеся в вытаскивании из винного кувшина двухголового петуха. Уже тогда я отвечал тебе, что в двухголовости петуха нет ни чудесного, ни божественного вмешательства, а наличествует элементарный порок Развития, известный еще древним финикийцам. Достаточно кормить курицу сурьмой и камедью в нужной пропорции, как все цыплята, высиженные ею, окажутся с лишними или недостающими конечностями, поскольку сущность огня, заключенная в сурьме, и желчное начало, присущее камеди, слишком различны, чтобы не вступать в противоречие. На что ты мне отвечал, будто все это не объясняет, каким образом можно достать петуха из закрытого со всех сторон кувшина. Было ли так?

– Было, учитель, – потупился юноша и, чтобы как-то прогнать неловкость, тронул коня.

Конь удивленно шевельнул ушами, точно, мол, вперед? И, не получив отрицательного ответа, побрел в долину. Чем-то не понравилась коню медная радуга.

* * *

Андрей Теменев стал приходить в себя, как только почувствовал, что окружающее ему не нравится. Трудно объяснить, в чем заключается это чувство. Представьте, что вы у себя дома и на кухне на полную мощность отвернуты все четыре конфорки газа. Почему вы проснетесь? Шипение конфорок? Но ведь оно не громче капель воды, просачивающихся из крана в ванной. Запах? Но вы не можете осознать его во сне. Что заставляет молодую мамашу схватиться за сердце и выглянуть в окно, когда сыночек уже открыл замок с трансформаторной будки и приготовился заглянуть внутрь? И почему, приглушая голос, проходят соседи по коммунальному коридору, куда уже неделю не выходит сосед. Может, он к родным в Киев уехал? А вам не показалось, что в коридоре запах какой-то?

Андрей медленно, еще с закрытыми глазами, провел рукой за пазухой плаща. Точнее, попытался провести – рука не послушалась с первого раза. Это не похоже на нокаут, это ско-

рее брызнули в лицо парализующим баллончиком, хотя ведь пробовали однажды, и ничего, устоял на ногах. Лицо уткнулось в колючую растительность и жирную, какую-то чересчур теплую землю, как в деревне на пахоте. Это сбивало с толку. С третьей попытки Андрей залез-таки под мышку левой руки пальцами правой и, не нащупав кобуры, вспомнил: она на ноге и расстегнута. Сегодняшнее дежурство в казино «Олимпик» – работа без прикрытия, а стало быть, по инструкции, оружие носится скрытно. Кроме того, в памяти отчетливо отпечаталось: перед тем как потерять сознание, Теменев держал ствол в руке, целясь. И в кого? Неужели в тишайшем казино началась перестрелка и только что вышедший из вынужденного отпуска сотрудник силового ведомства полез в кучу-малу? Версия не показалась убедительной, сюда не укладывалась лестница. Лестница... Оборвав карман плаща о ручку двери на третьем этаже, слетел, рискуя поломать голеностоп, на второй и плечом высадил дверь, снеся с ног бритоголового подростка... Пистолет держал в руке...

Андрей Теменев резко открыл глаза и рывком попытался сесть. Но через секунду понял, что спешить некуда, поиски ствола можно считать законченными.

– Лежать, мент!

Бритоголовый малец держал пистолет Андрея обеими руками, норовя завалить оружие набор, как это делают в бездарных гонконговских боевиках. Парнишка сидел прямо на земле и, судя по виду, чувствовал себя неважнецки – сам несколько минут назад очухался, но успел подползти к бесчувственному эфэсбэшнику и вытащить из его пальцев оружие.

А за спиной подростка сияло неправдоподобно летнее солнце.

Андрей оперся на локти и огляделся по сторонам. Кругом было курортное лето, в мареве таял горизонт, а со всех сторон наползающий ландшафт усугублял сходство со всеобщей здравницей в Крыму, за вычетом экскурсионных автобусов. Автобусов не было. Ситуация казалась настолько неясной, что имело смысл сконцентрироваться на конкретной проблеме – неадекватном несовершеннолетнем, незаконно завладевшим табельным оружием.

– Ты кого ментом назвал, шкет? – прохрипел Андрей и проглотил слизь, скопившуюся в носоглотке от лежания кверху ногами на склоне холма. Дети редко бывают опасны поодиночке, независимо оттого, что они курили накануне и что держат в руках. Но огнестрельное оружие плохо тем, что из него можно убить без всякого на то желания. – Это ты меня ментом назвал?

– Быстро лег, как лежал, гнида! – мрачно велел бритоголовый малыш, но в его глазах промелькнуло некоторое сомнение.

И это правильно. Выстрелить может тот, у кого сомнений нет, поэтому если те, кто «в законе», стреляют в тебя за то, что ты мент, нужно, прежде всего, объяснить, что ты и сам «в законе». Это обесмыслит выстрел. Беда заключалась в том, что Андрей никак не мог сообразить, в каком законе пребывает этот пэтэушник с головой, похожей на гриб-дождевик в период полового созревания.

– Он у тебя на предохранителе, – на всякий случай произнес Андрей дежурную фразу и послушно улегся на колючие стебельки. И тошнота от горла сразу отступила.

Еще бы не маячило это ослепительное небо, совсем бы стало хорошо. Краем глаза Андрей фиксировал, как подросток проверил предохранитель большим пальцем и вновь сомкнул ладони на рукоятке ствола. Как ни удивительно, мальчика, кажется, учили стрелять из пистолета Макарова.

– Он у меня не на предохранителе, – сказал пацан, старательно повторяя интонации Андрея, после чего перешел к угрожающим: – А ты мне, гнида, скажи, куда вы нас затащили и где Белый?

Одной из нелепых особенностей своего характера Андрей Теменев считал собственное чувство юмора. Он плохо понимал и не любил рассказывать анекдоты. Он не смотрел выступления прославленных сатириков по телевизору и не смеялся на фильмах Тарантино.

Но зато, оказавшись в очередной безвыходке, а их на протяжении последних лет его молодой жизни случалось порядком, он – а может, это делало за него подсознание – находил утешение в паре слов, связавшихся в забавную нелепицу. Вот я гнался за кем-то по сырой и плохо освещенной городской лестнице. А вот я лежу на выжженной солнцем травке на неведомых югах. И какие претензии предъявляет мне мальчик, вполне способный вышибить мне мозги. «Где белый?» Надо понимать, мы не поделили корзинку, полную боровиков?

– Чего ты ржешь, сволочь? – проорал подросток. Туман, окутавший юные мозги, рассеивался примерно с той же скоростью, что и прояснялся рассудок пленного эфэсбэшника, но подростковая психика значительно менее устойчива к непонятному, обрушивающемуся на голову без предупреждения. Поэтому в ломком голосе пацана проскользнули нотки истерики. Малый, честно говоря, не очень-то и рассчитывал попасть в заповедную Чудь, но уж на случай-то попадания его никто не предупредил, что единственным старшим товарищем окажется мент, выше его в полтора раза и не боящийся даже нацеленного в лоб ствола. – Я тебя спрашиваю, где Белый Магистр, где Белосток?!

«Сейчас он меня продырявит», – отчетливо понял Андрей.

Фамилия Белостока поставила все на свои места, но убрать дурацкую улыбочку с губ не смогла. Хотя веселого было мало. Молодому сотруднику спецслужбы, если уж ему поручили следить за главой экстремистского движения, не следует отвлекаться на такие мелочи, как развод случайно замеченного чиновника на пару-тройку тысяч баксов, сколь бы соблазнительным сие не казалось. Не следует именно потому, что вдруг может оказаться, что вся эта мутотень – на самом деле хитроумная ловушка экстремиста, которому надоела непрофессиональная слежка за своей особой. Он, экстремист, может, и псих, но отнюдь не дурак.

«Любопытно, куда это меня вывезли – с предсмертной отрешенностью размышлял Андрей, снова поднимаясь на локтях и наблюдая, как пляшет черная дыра ствола его же собственного Макарова. – Напоследок, – решил лейтенант, – я узнаю, как выглядит чертова задница. Но где могилка моя, узнают только вот эти пролетающие над головой вороны».

На гребне холма появилась фигура человека, весь вид которого свидетельствовал: он тоже вряд ли объяснит, где происходит данная драма. Довольно молодой на вид, он умудрился к тридцати годам отпустить жидкую, но длинную, грязно-соломенного цвета бороду, что ничего само по себе не значило. Но одежда бедолаги не сулила ничего хорошего в плане его вменяемости – одинокий шлепанец на левой ноге, заляпанная то ли артериальной кровью, то ли кетчупом трикотажная майка, самая что ни на есть холостяцки-убогая, и перекошенные очки подошли бы скорее хозяину квартиры на лестнице в осеннем городе, где Андрей имел глупость вышибать деньгу из взяточников. «Но вряд ли, – подумал Андрей, – его вывезли сюда вместе со мной, а впрочем, это неважно, ведь сейчас этот бывший интеллигентный человек нас окликнет. Скажем, так: „Послушайте...”»

– Послушайте, – дрожащим голосом сказал бородач, Святослав Васильевич Хромин.

Дальше произошло именно то, что секунду назад отчетливо представил себе сотрудник ФСБ Андрей Теменев. Дошедший до максимального градуса истерики бритоголовый подросток, известный в детской комнате милиции Приморского района города Петербурга как Илюхин Алексей, развернулся, чтобы выпалить из пистолета. Помешала затекшая нога, да и вообще, стрелять, сидя на наклонной плоскости, еще надо уметь. Впрочем, еще сложнее из положения «лежа на наклонной поверхности» вскочить на ноги. Андрей и не стал этого делать, чувствуя, как окончательно рвется по шву на спине плащ, перекатился, будто на стрельбище, и скорее наудачу, чем благодаря продуманному расчету, вцепился в тощую мальчишескую голень левой пятерней.

Мальчишка заверещал и попытался ударить сверху рукоятью пистолета, почти попал, содрав кожу за ухом, но Андрей свободной рукой, растопырив пальцы, чтобы достать, врезал ему под лопатку, по плечевому нерву и сухожилию.

Пистолет мягко упал на землю, а подросток со сдавленным всхлипом – на спину, точно щенок, которого завалил матерый кобель, подставляющий брюхо победителю.

Андрей открыл было рот, но говорить ничего не стал, поднял пистолет и поглядел на бородача, застывшего со своим «Послушайте» на устах...

– «Если звезды зажигают»?... – выжидательно продолжил цитату Андрей. Он не надеялся, что этот сбежавший из ближайшей крымской психушки бородастый алкоголик помнит Маяковского. Он даже не рассчитывал получить от безумца указания, где шоссе. Но, так или иначе, это был единственный человек, который хотя бы неясным мычанием мог указать их примерное местонахождение.

– Знаете, – осторожным, но трезвым голосом проговорил бородастый алкоголик, – а ведь мы в Древнем Риме, товарищи...

* * *

– Таким образом, уловив частное, ты не воспринял общей идеи о том, что нет вещей, которым нельзя было бы найти объяснение. И я очень рад, – разглагольствовал учитель. – Поскольку только что мы с тобой стали свидетелями необъяснимого небесного явления, я мог бы сказать тебе, что в трудах Птолемея упоминалась радуга при безоблачном небе и что никакой эллин не удивился бы молнии, которая бьет не из тучи. Но мы сойдемся с тобой на рациональных понятиях, которые могут быть сведены к механике, геометрии и герметике, этим трем китам естественных наук.

Юноша почтительно внимал, не забывая корябать по воску ногтем. Над ближайшим холмом, куда направлялись путники, поднимался легкий дымок.

– Прежде всего, – продолжал учитель, потирая нос идеально прямой формы, изрядно, однако же, обгоревший за время долгого пути по яркому солнцу, – суммируем все необъяснимое, что представляется нам таковым на первый взгляд. В погожий полдень, в отсутствие облаков и любой непогоды, при ярком солнечном небе в холм ударяет молния необычного, я сказал бы, огненного цвета. При этом она имеет неординарную форму дуги окружности, как если бы из-за невидимого нам сейчас горизонта к этому холму пролег некий фантастический мост. Добавлю к сказанному другое, тебе, вероятно, неизвестное. Там, на этом холме, куда сейчас нога за ногу плетутся наши клячи, расположено одно из известнейших этрусских капищ. Святилище столь же древнее, сколь и загадочное по своему назначению, ибо сложившие его из ракушечниковых плит чудодеи были перебиты все до единого нашими славными предками при первичном освоении этого охраняемого богами, цезарями и республикой полуострова. Какие выводы сделаешь ты, легковер, склонный к удивлению?

Ученик сглотнул.

– Ты мог бы предположить, – улыбнулся учитель той улыбкой, что так шла ему, той самой, что, несмотря на иссушившие его икры и проредившие шевелюру годы, приносила ему неизбежные успех и внимание совсем еще юных, но уже искушенных дев, неизменно приглашаемых на застолья в триклиниях самых именитых граждан республики, – более того, безусловно сделал бы самые невероятные выводы. Будучи удивлен, ты привлек бы к своим догадкам все новые факты, отдав предпочтение тем, которые смущают твой весьма информированный рассудок. Ты не воспользовался бы золотым правилом, по которому отбрасывается любое объяснение, если есть другое, опирающееся на более известные факты. Нет, ты погнался бы за нагромождением невероятного, и оно повергло бы тебя на третьем умозаключении, и ты стал бы рабом нелепой теории, которую отстаивал бы до скончания дней своих, приговаривая на каждом шагу: «Мне и самому непонятно, но ведь я видел собственными глазами». Скажи, что тебе пришло в голову?

– Говоря по правде, – отозвался знатный юноша, цветом лица становясь похож на тех вареных крабов, что подают в кабаках на набережной Кум, – я подумал, что древний народ, населявший эти края, обладал сокровенным, неведомым нашим современникам знанием и сейчас мы наблюдаем в действии старинное магическое действие, связующее наш мир с глубоким прошлым.

– Вот именно! – торжествующе воскликнул философ. – Я сознательно удивил тебя не единожды, а несколько раз, чтобы, растерявшись, ты стал привлекать к объяснению еще более удивительные вещи. Откуда, скажи, ты взял эту связь времен?

Белый конь, на котором ехал учитель, благородное животное с удивительно тонкими чертами морде, вдруг всхрапнул и протяжно заржал. Философ удивленно огляделся по сторонам, не пасется ли под сенью ближайшего виноградника некая кобыла, и, не обнаружив таковой, щелкнул над ушами коня шелковой плеточкой с наборной рукояткой из слоновой кости и сандала.

– Мне просто показалось...

– Вот! – кругообразным движением руки, украшенной сапфировым перстнем, подвел логический итог диспута учитель. – Тебе показалось. Начав с невинного на первый взгляд удивления, ты пришел к искажению действительности, к иллюзии, к галлюцинации, или, иначе говоря, ты увидел то, чего не было. В то время как если бы ты сохранял хладнокровие, ты очень скоро наткнулся бы на факты объяснимые и объясняющие ситуацию с точки зрения здравого смысла. Пойми, познание мира с развитием цивилизации практически закончено. Не удивление, а страсть к накоплению новых фактов должна двигать философом при наблюдениях за природой. Итак, приготовься, мы приближаемся к старинному этрусскому капищу, где нарочно сделаем привал и, клянусь всеми богами Олимпа, не покинем этой местности, пока ты сам не признаешь, что ничего удивительного даже в столь экстраординарном происшествии нет!

* * *

Анатолий Белосток, он же Магистр Белый, очнулся, но продолжал лежать, уткнувшись лицом в землю и анализируя происшедшее. Если это ментовская камера, то ситуация не так плоха. Конечно, лучше входить в общество мелких уголовников, с порога поражая их ростом, статью и громовым – когда конвой отдалится достаточно от двери с глазком – голосом.

Это вселяет уважение, и иногда не приходится драться и отвечать на дурацкие вопросы, типа: дядя, зачем тебе борода? Но и драк Анатолий Белосток никогда в жизни не страшился. Еще в старших классах, еще когда нельзя было, Толя Белаш по вечерам, надев тренировочные штаны и футболку с портретом Брюса Ли, спешил в спортзал местной типографии, где и получил свой первый пояс, после чего ни одна чучмецкая сволочь в районе уже не отбирала у него денежку на завтрак.

Черный пояс был получен на всероссийском слете бойцов стиля «Шумящий лес» в городе Кировске и подтвержден дипломом международной ассоциации. Пора было вписывать в программные партийные документы: «лидер – по национальности русский, по убеждениям националист, владеет восточными единоборствами». В либеральных газетенках пару раз промелькнула издевка над «сенсеем стиля „Шумящий пень"», но после организации бесплатных тренировок для подростков в редакциях либеральных газетенок критика как-то стихла. Во всяком случае, каждое новое кратковременное заключение в тюремную камеру безусловно добавляло авторитета лидеру движения, из уст в уста передавалось: «он и там всех строит». Следовало только избегать конфликтов с жилистыми и немногословными

чеченцами. Те, в отличие, например, от дагестанцев, в спецназе ранее обычно не служили и к словам «черный пояс» относились без должного пиетета.

Лежать ничком в белом свитере было жарко, душно и неудобно, мало того, за ворот нацелилась заползти пара муравьев. «Если эфэсбэшники наконец-то надумали закопать меня в лесу... Могут государственные спецслужбы травить оппозицию муравьями?» – размышлял Белосток, твердо памятуя, что никогда не лишнее, если те, кто долбанул по его бритой голове, а так, что она до сих пор гудит, еще минут пять будут думать, что он без сознания. Впрочем, кругом стояла подозрительная, деревенская какая-то тишина, а муравьи, не получив доступа под свитер, попробовали Анатолия Белостока на зуб.

– М-ля, – неотчетливо проговорил в землю националист, владеющий восточными единоборствами.

Кругом ничего не изменилось. И Белосток рискнул. Отжался от земли на кулаках... и мгновенным взглядом ниндзя оглядел округу. Сел на корточки и с наслаждением хлопнул себя ладонью по загривку. Больше его никто не кусал.

– Вот так! – торжествуя, но вполголоса заключил Магистр Белый и, прежде всего, оглядел свитер. На белой шерстяной материи виднелись безобразные зеленые полосы.

Оглянувшись, Белосток воссоздал картину с беспощадной четкостью: он приземлился на обочину дороги и по инерции соскользнул головой вниз с невысокой насыпи. Травы там было немного, в основном земля, сухая и пыльная, поэтому свитер на груди и выглядит как хорошо поработавший половичок у двери. А есть ведь еще лицо. Царапины, пожалуй, сойдут за боевые шрамы и милицейский произвол, но комья – тьфу ты – песчаной грязи, – тьфу, мля! В таком виде фотографироваться нельзя.

– Батя! – осторожно позвал кто-то с дороги.

– Чего, Батя?! – немедленно озверился Белосток, ожесточенно отряхивая штанины пиджачной пары, пиджак которой исчез в неизвестном направлении. Локти и колени выглядели на удивление пристойно, можно подумать, Белого Магистра аккуратно положили на дорогу и только потом спихнули неведомой силой вниз. – Чего еще, Батя?! Ты карты принес или нет?

– Вот... – Парень в черной, с оранжевой подкладкой, синтетической куртке осторожно спускался по склону, в руке у него сиротливо торчали дама бубен и пятерка трэф. – Я принес карты. Бать, а где мы? А это кто?

Анатолий Белаш застыл, не завершив процесса раскатывания рукава на правой руке, и огляделся еще одним взглядом ниндзя, тоже мгновенным, но уже более внимательным. Кругом было солнечно и хорошо. Склоны холмов покрывала вьющаяся курчавая растительность, увешанная гроздьями синих ягод. Розовела будочка из мрамора на отдаленной скале. Пылало солнце, и белела пыльная дорога, по которой неспешно двигались две лошади, поблескивающие золотом на солнце. На каждой кто-то сидел.

Мгновенно желтый туман закрутился перед глазами Анатолия, сконденсировался в виде пожелтелой газетной вырезки, а затем словно вспышка молнии прорвала ветхую бумагу, и в вихре огненной радуги закружилось все: передовицы в газетах, учебники истории, милицейские протоколы и спортзал старой типографии, чья-то чужая свадьба и отблеск скальпеля, который готов вонзиться в запястье под закатанным рукавом белого свитера.

– Чудь! – воскликнул не своим, хриплым и грозным, а, напротив, необычайно чистым и светлым голосом бритоголовый и бородатый Белый Магистр и тут же вторично рухнул в придорожный кювет, по дороге прихватив лопатообразной ладонью готового разрыться паренька с игральными картами, крепко зажатыми в правой руке. – Санька! – жарко зашептал Беяш, вглядываясь в двух совершенно первобытного вида всадников. На левом боку каждого блестел короткий бронзовый меч, одеяния, освещенные полуденным солнцем,

заставляли жмуриться – красное, синее на белом фоне, но это была не ядовитая краска, нарисованная сингапурским фломастером, нет. – Санька! Получилось!

– Я думал, – всхлипывал подросток, дополнительно пораженный тем, что вождь впервые обратился к нему по имени, а стало быть, помнит его. – Я думал, кино снимают!

– Какое, к ешкиной коловерти, кино?! – Белосток отчетливо увидел на расстоянии доброй сотни метров, как электрической искрой блеснул сапфировый перстень на руке одного из конников, когда тот широким жестом обвел окружающую их всех благодать. – Это, Санька, самая, настоящая Чудь, исконное царство древних славян!

Санька горестно замолк. Его жизненный опыт насчитывал неоднократные обращения к потусторонним и мистическим силам. Он курил контрабандную коноплю, на поверку оказавшуюся полынью, ел экстази в клубе «Хамани», однажды на пикнике в Рощино попробовал отвар из мухоморов, после чего стойко возненавидел наркоманию вообще и наркоманов в частности. Ну не был он настроен на реализацию древних обрядов. После древнего обряда может два дня болеть голова, а потом притащишься домой и будешь полчаса мытариться в ванной, согнувшись в позе сломанной ветки карельской березы и подставив голову под холодную воду.

Саньке оставалось только искренне понадеяться, что бред, в данном случае уж больно неприятно реальный, рассосется и он вернется в привычную жизнь. «Ну, постою под холодной водой час». Пока же следует неукоснительно выполнять указания Магистра, которого тоже, видать, торкнуло крепко.

– Эти двое нас пока не видят, Санька. Я было подумал выйти к ним на дорогу. Это же Чудь, здесь все по-русски понимать должны. Но видишь, Санька, мы же не знаем заранее, кто это. Может, это друзья, а может, и враги? Может, это набег какой-нибудь. Ты голову не высовывай. Мы сейчас ящерицами вон до тех кустов, потом по лощинке до столба... Кстати, орел на столбе, видишь? Это тевтонский символ. Нет, Сань, ешкина шаланда, ты подумай... – Голос Белостока как приобрел торжествующее звучание, так и не смог от него избавиться.

Санька слышал такие голоса только в компьютерных клубах, когда кто-то, понахватав фрагов на карте, уже прет к вожделенному выходу с этапа, впереди уже чисто, патронов вдоволь, но бежать еще надо, еще один поворот, еще один тоннель...

– Ляжем давай, – захлебывался радостью Магистр Белый. – Задницу не оттопыривай, заметят. Ну, ты смотри, как они тут одеты, блин, белые все. Белые! Отобрать бы эти железки, тогда бы поговорили. Давай к тем камням наверху, там дорога ближе, там мы их и снимем. Чего лежишь-то? Бегом давай. Эх, Санька, в армии ты не служил...

* * *

Дмитрий Хромин лежал с закрытыми глазами. Открывать их не имело смысла: губы, нос и брови тонули в мягком, теплом, посапывающем, а щеку щекотали прядки волос, много мягче и гуще, чем его собственное желтоватое мочало. Вроде женщины пользуются разными шампунями, духами и всякими там притираниями, а разве спутаешь, только проснувшись, еще не вспомнив, кто за ночь порядочно отлежал тебе правую или левую руку, разве не распознаешь с первого осознанного вдоха запах женских волос?

– Ма-а-аш... – пробормотал Хромин, пытаясь пошевелить пальцами руки, на которой уютно пристроилось теплое и сопящее. Потом свободной рукой пошарил одеяло. Не было одеяла. Тепло, а одеяла нет...

– Ма-ары-сь... – еще более уверенно промурчал Промин. Ситуация сводилась к однозначной оценке: Пашкина дача.

Мария рисковала привести сюда жениха, только когда родители, вице-губернаторская чета, отправлялись, утомленные радением за нужды города, в оплаченные отпуска для

поправки здоровья. За последние полгода такое случалось трижды. И всякий раз Дмитрий Хромин расплачивался за неземное блаженство общения с поднаторевшей в познании мужской и женской подсознательной страстности студентки факультета психологии, за необозримость кровати в вице-губернаторской спальне и за эвкалиптовый чай в маленькой сауне утренней головной болью.

Приученное финской баней к жаре семейство, выходцы из Краснодара, поддерживало в жилых помещениях температуру выше всяких гигиенических норм. Что они с Машкой, с Ма-ры-сей, пили в предыдущий вечер, красиво завернувшись в простыни, Дмитрий Хромин припомнить не смог и попытался угадать, прислушиваясь к молоточкам, вбивающим гвоздики в череп изнутри. Зеленое и липкое – это «Шатрез». Белое, с молочным привкусом, – это «Дюгонь»... Или «Дюпонь»... Легонький ликерчик на ночь бедному мальчику, правда, Дим?

Лежащее рядом существо ласково заскулило в ответ, и Хромин, поборов естественное желание прокашляться, просморкаться и протереть уголки глаз, поймал пару глотков теплого воздуха, который они надыхали за все полноценные часы ночного блаженства. Потом облизал сухие губы шершавым языком и принялся размеренно поглаживать Машкин затылок, с переходом на шею, на позвоночник, там, где он выступает трогательным кошачьим хребетиком из-под шелковой ночнушки.

Разумеется, ни один нормальный мужик не испытывает потребности гладить хоть что-то, кроме собственных висков, пробудившись с отлежанной рукой и отбитыми воспоминаниями о предыдущей ночи, но гладить надо. Одно из правил жизненного опыта Хромина, сравнимое по непреложности с требованием не конфликтовать с правоохранительными органами, гласило: гладить! Потому что есть органы важнее правоохранительных! Потому что если будешь вспоминать кого, за что и почему гладишь, можешь упустить самые ключевые моменты, благодаря которым оказываешься в спальнях вице-мэров.

Обладательница пушистых волос благодарно обняла санитарного чиновника за шею и притянула к себе. Так, понятно. Дмитрий Хромин прислушался к внутренним голосам своего организма и пришел к выводу, что не может. Хотя это, в общем-то, так же необходимо, как и гладить. Если дочка вице-губера притягивает тебя к себе с утра пораньше, непременно следует понять ее потаенные желания, ну, а поняв – удовлетворить. Но такие вопросы с кондачка не решаются. Если решать их с кондачка, может оказаться, что удовлетворять желания нечем.

«Я сейчас встану, – подумал Хромин. – Аккуратненько вытащу руку и встану. Ничего ей не сделается, поскулит и снова засопит. Потом я схожу почищу зубы. Умоюсь холодной водой. Высунусь в форточку дачи и покурю, погляжу на сосны и остыну. А потом я вернусь, Марыся, потом я вернусь...»

Он сел и потянулся, хрустнув плечами и позвонками. Сладко потянулся, думая, что эти ночнушки и пижамы – бред, Машке дай волю, она его и в ботинки обрядит. Вот от этого и снятся кошмары, пагубно влияющие на утреннюю потенцию. «Надо будет рассказать, какой дикий сон... Какой дикий сон про киллера, начавшего охоту на вице-губернатора с простого санитарного чиновника... рассказывать этот сон ни в коем случае нельзя, правда, Маша?»

Санитарный инспектор Дмитрий, все еще заламывая одну затекшую руку другой, открыл глаза и поглядел на лежащую рядом на кремнистом гравии чернокошую девушку с обрывками скотча на запястьях и щиколотках. Перевел взгляд на свои ботинки – один оставался на ноге, другой, с ошметками шнурков, валялся поодаль, у массивной плиты из ракушечника. Этих плит кругом было полно, они торчали из черной, потрескавшейся от жары почвы, здоровенные, в рост человека, исчерченные непонятными символами.

А на самой крупной плите, где была когда-то выбита кайлом половина Солнца с половиной человеческого лица, стояли две дивные, как горячечный бред, белые кобылы в изукрашенной золотой фольгой упряжи. На кобылах же, и это казалось самым ужасным, сидели

два санитары из психушки в белых халатах, полы которых служивые небрежно забросили каждый за левое плечо. У горловин халатов виднелась украинская вышивка крестом и гладью – бордового и лазурного цветов соответственно. При этом санитар постарше глядел на Хромина участливо, но как-то мимо.

Только тут чиновник центра санэпиднадзора города Петербурга сообразил: невнятное бормотание над ухом – это не двадцатисемидюймовый телевизор на первом этаже правительственной дачи. Дело обстояло намного хуже. Неторопливо и обстоятельно, к вящему благоговению своего молодого товарища, старший санитар читал Дмитрию Хромину незнакомые стихи на неизвестном языке.

Дмитрий Хромин закрыл глаза и вновь повалился навзничь рядом с чернокозой девушкой.

* * *

– Как ты видишь, это варвары! Заметь, мы не знали заранее, встретим ли здесь нечто необычное или выбивающееся из привычных представлений. И вот мы обнаруживаем вблизи древнего капища варваров. Может быть, это не совсем такие варвары, как те, кого ты привык встречать на северных границах империи. Но вместе с тем эти странно одетые люди удивительно похожи на тех двух дикарей, которых мы видели прячущимися в зарослях жимолости по ту сторону холма. Их нелепые попытки маскировки несомненно говорят о том, что они относятся к более примитивной культуре, чем народы, находящиеся под благотворным воздействием Рима.

– Не следует ли принять меры к их задержанию, учитель? Будучи верхом и при оружии, мы с легкостью смогли бы пленить их.

– Никогда! – Учитель наставительно и с легкой укоризной погрозил поднятым прямо к солнцу пальцем. – Не смешивай долг перед отчизной со слепым стремлением угодить власти. Разве здесь, на своей земле, мы на войне? Разве беглые рабы – враги нам, свободным гражданам Великого города? Разве знаешь ты, наконец, что вынудило здесь оказаться этих несчастных: жестокость господина или небрежность легионера, конвоирующего колонну на каторжные работы? Ну и, помимо всего прочего, разве есть нам на чем везти захваченных в плен варваров? Или ты хочешь, чтобы они плелись за нами своим ходом до самых Аппиевых ворот?

Ученик смолк и принялся разглядывать обнявшихся и, судя по всему, уснувших в процессе любовных утех желтоволосого мужчину и брюнетку со странными украшениями в виде пурпурных лент на щиколотках и предплечьях.

– Не кажется ли тебе странным, о учитель, что мужчина и женщина одного племени могут столь сильно отличаться друг от друга, – спросил он в результате умственных усилий. И тут же поспешил добавить: – Я, конечно, знаю, как различны на вид самец и самка родоского петуха или, скажем, пчелиная матка и трутень...

Учитель не слушал. Он медленно озирался вокруг, и чувствовалось, что, вполне возможно, сейчас будет произнесено одно из тех высказываний, которыми он рассчитывал, и весьма прозорливо, остаться в истории человеческой мысли. Уже и имя твое забудется, если ты не ражий полководец и не жестокий тиран, а из уст в уста будут передавать несколько слов, спаянные такой мудростью, что на многих языках сохранятся и смысл, и чувство, и даже интонация говорящего.

– Никогда ничему не удивляйся! – весомо проговорил он. – Возможно, тебе покажется странным это наставление именно сейчас, когда, казалось бы, количество произошедшего превзошло качество нашей способности к объяснению. Но сейчас я с тем большей убедительностью продемонстрирую бесплодность умозаключений, построенных на восхищении

необычайным, перед суровым лицом фактов. Да, данные для логических построений наших пока недостаточны. Но ведь не исчерпаны и сами факты! И сейчас мы их заставим говорить самих за себя.

– Но как это возможно? – вскричал ученик, невольно поправляя перевязь меча, новую и потому за время путешествия здорово натершую ему правый бок. – Мыслимо ли обратиться за разъяснением к самой загадке? Это так же невозможно, как, скажем, допросить этих дикарей, хотя уже по их нелепому виду заметно, что они не понимают ни слова на языке знания и просвещения.

– Именно это я и собираюсь сделать! – отвечал наставник. – Хотя и не изучал варварских языков за их примитивностью. Ты должен быть наслышан о моих успехах в изучении «*Teo et Lingva*»².

Юноша кивнул. Перед тем как приступить к обучению, он послушно попытался вникнуть в фундаментальный труд, содержащийся в семидесяти восьми свитках, переведенный на персидский и халдейский языки, но завяз примерно на второй трети предисловия ко второму изданию.

– Вспомни двенадцатую главу! – потребовал учитель, после чего студенту стала так же безразлична валяющаяся рядом красавица, как это будет случаться и двадцатью веками позже с приходом темной для всякого молодого мыслителя поры, именуемой сессией. – Вспомни заключительные строфы изящного сатирического гекзаметра, где неоспоримо доказывается, что мысли есть неязыковая категория и, стало быть, язык – лишь аппарат выражения мысли и может быть, соответственно, заменен, слово за словом, флексия за перцепцией, без ведома говорящего, если только рассудок его этому не противится? Идеальным для этого условием является что?...

Юноша, чье лицо приобрело уже оттенок выдержанного фалернского вина, только в отчаянии кивнул на лежащих, что, однако, восхитило учителя:

– Вот именно! Полубессознательное состояние *postcoitus immedii*³ наряду с опьянением напитком из цикуты, а также *hysteria sorbi*⁴ дадут наиболее благоприятный результат в нечувственном освоении языком в объеме, достаточном для пристрастного допроса. Я неоднократно демонстрировал данное искусство в македонских бродячих цирках, а также на пирах, устраиваемых по случаю гонок колесниц и именуемых Диамедовыми. А ты говоришь, петух в кувшине!... – колко заметил философ-универсал и, дождавшись, когда пристыженный неофит окончательно потупит голову, выпростал руку из складок тоги и звучным голосом проговорил:

Гнев, о богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына,
Грозный, который ахеянам тысячи бедствий соделал...

– Что ты делаешь, учитель? – изумился юноша. Учитель договорил строфу до конца и строго на него глянул:

– В чем, по-твоему, наша задача? Насытить их долбанутые цикутой, сексом или сотрясением мозга подкорковые центры максимальным словесным запасом. Ты можешь прочесть латинский словарь наизусть? Вот и я тоже не могу. А хороший поэт, как ты знаешь, обладает лексической мощностью побольше, чем иной языковед. А поскольку стихов, равных Гомеровым, в нашем духовно бедном отечестве не создано, да и не будет создано, умные люди вынуждены обивать ноги по проселкам, обучая элементарным вещам великовозраст-

² Вначале было слово (лат.).

³ Тоска после соития (лат.).

⁴ Меланхолия (лат.).

ных недорослей. Вот я и начал с «Илиады». Думаю, пары глав будет достаточно. Не волнуйся, до списка кораблей дело не дойдет. А теперь, будь добр, не встречай, лучше слушай и учись. Мы это засчитаем за урок логопедии.

* * *

– Ты хоть понимаешь, что они там бормочут? – спросил Святослава Хромина Андрей Теменев.левой рукой он придерживал ветку винограда, правая оставалась в кармане плаща. Леша Илюхин косился на Андрея, иногда демонстративно охая и постанывая, при этом не забывал по одной ягоде срывать недозрелые виноградины.

– Дизентерию заработаешь, – не глядя на него, пообещал Андрей. – Не стони ты, ради бога, не оторвал я тебе руку. Ну так что, историк?

– Насколько я понимаю, – осторожно проговорил Святослав Хромин в сомнении, покусывая нижнюю губу, – он читает моему брату Гомера в переводе на латынь. Но вы должны учитывать, что уровень преподавания в Университете водного транспорта...

– Всяко лучше, чем на юридическом, – нервно отрубил Андрей. – Мы, знаешь, тоже римское право учили... Думаешь, я что-то помню, кроме пары поговорок?

– Магистр говорил, что это Чудь, – неуверенно и невнятно, забитым виноградом ртом внес лепту в дискуссию Алексей Илюхин.

– Про Магистра ты лучше даже не заикайся, – мрачно посоветовал Андрей и снова обернулся к Святославу, нервно теребящему бороду: – А какого хрена он читает ему Гомера на языке оригинала?

– Не оригинала, – терпеливо поправил Святослав, – а в переводе...

– Вопрос был – «какого хрена?»! – мрачно уточнил Андрей. – Ты сможешь с ними общаться на каком бы то ни было языке?

– Это Чудь, – упрямо повторил подросток, дотягиваясь до винограда, висящего выше, отчего черная его рубашка выбилась из-под ремня подвернутых джинсов. – Здесь все должны говорить по-русски.

Андрей не удостоил его ответом.

– Вам не кажется, что сначала следовало бы разобраться...

– Как раз не кажется, – шепотом гаркнул Теменев, – разобраться мы будем, когда допросим этих двух клоунов на конях. Но для этого надо, чтоб они нас понимали.

– Что вы называете общением? – подумав, осторожно спросил Святослав.

– Ну, для начала, скажем: «Оружие бросить, лицом на пол!».

Святослав Хромин в полной растерянности развел руками, как бы говоря, что на истфаке Университета водного транспорта была весьма скромная программа по латыни.

* * *

Когда Айшат проснулась, было уже светло. Ее почему-то совсем не удивило, что лежит она в сильных мужских объятиях, а над головой кто-то нараспев читает неизвестные ей ранее стихи. Значит, так надо спокойно подумала она и в который раз удивилась красоте и звучности русской поэзии. Она уже знала наизусть многие красивые стихи, но ей нравилось заучивать новые и новые. Она прислушалась.

Должно быть, исполняли древнее сказание о сильных и смелых воинах. Вероятно, дядя Салим, уходя на поиски работы, не выключил радиоточку на кухне. Ну, а объятия... Они были как раз такими, как в неоднократных снах, о которых воспитанная тавларская девушка не признается даже родным, и особенно родным. Вероятно, произошедшее вчера, несмотря на некоторую несуразность, оказалось именно тем, о чем сразу подумалось. Ее, Айшат, похи-

тили, как испокон веков похищают невест. Разумеется, русский жених использовал оригинальный национальный обычай, неизвестный в горных селах Тавларо-Гушанской автономной республики. Запихивание в автомобиль на автобусной остановке, связывание скотчем и особенно распятие на столе были не так уж приятны и вызывали некоторые тревожные ассоциации, но главное, что все кончилось хорошо. Айшат, в принципе, давно свыклась с мыслью о русском муже и теперь была не прочь поглядеть на него. Она открыла глаза.

Дмитрий Хромин тарачился на нее с чувством, которое можно было принять за головокружительную влюбленность...

– Маша? – на всякий случай спросил он.

– Нет! – радостно улыбнулась Айшат. Конечно, она надеялась, что муж окажется бритоголовым, но это дело наживное. Желтые волосы – тоже оригинально.

– Ты знаешь, где мы?

– Нет! – еще радостнее ответила она, поняв, что только что увиденный супруг приготовил ей сюрприз. Скорее всего, сюрприз окажется предсказуемым: распахнется дверь, и войдет дядя Салим, внешне гневный, а на деле уже договорившийся о праздновании свадьбы я теперь желающий только разделить расходы поровну, чтобы ни один родственник не остался внакладе.

– Они проснулись, – сказал хорошо поставленный голос где-то вверху.

Придерживаясь друг за друга, новоиспеченные супруги поднялись на ноги, причем Хромин сразу наступил босой, в одном носке, ногой на острый камешек и охнул, вызвав улыбку Айшат. Ей все больше нравились русские свадебные обычаи. Во-первых, в небе впервые за текущий петербургский октябрь сияло жаркое солнце. Во-вторых, прямо перед ними гарцевали на красивых конях два джигита, смешно завернутые в белоснежные простыни с гушанским орнаментом по канту. На боках у верховых блестели золоченые кинжалы, а глаза у коней были умные и немного испуганные.

– А теперь, неумытые чужеземцы, – вежливо и дружелюбно попросил старший из джигитов с облупившимся на солнце прямым носом, – расскажите нам кратко, что привело вас сюда, в древнее этрусское капище, и какой магический обряд отправляли вы здесь, бесстыдно и принародно занимаясь таинством продолжения рода?

Во всяком случае, так поняла его Айшат. Русский свадебный обряд все еще казался ей забавным, но немного запутанным, поэтому она промолчала. Зато заговорил Хромин.

Незачем тратить мой час смертный на те экивоки,
Коими думаешь ты скрыть очевидный тот факт,
Что этот весь балаган вами затем лишь затеян,
Чтоб умертвить меня, на градоначальничский страх!

Неожиданно для самого себя проговорил он, желая сказать всего лишь примитивную фразу: «Да хватит трепаться. Я знаю, кто вы и откуда». И для этой-то фразы, чтобы бросить ее в лицо киллерам, упорно подбирающимся к тестю вице-губеру, Хромину потребовалось все его невеликое мужество. Он не знал, какими именно орудиями обычно срезают с жертв кожу умельцы из питерской мафии начала XXI века, но вполне допускал, что орудуют они здоровенными палашами желтого металла, вроде того, что заткнут за пояс у молодого киллера.

Хромин грешным делом хотел впечатлить своих потенциальных палачей беспримерным мужеством, не без оснований полагая, что тогда возможность договориться станет менее призрачной. В качестве первого взноса – отступные из «Олимпиака». Кроме того, подсознательно чиновник все же не хотел совсем уж ударить в навоз мордой в присутствии этой смуглянки, которая, правда, скорее всего по-русски едва кумекает. Но, заговорив, вопреки

собственным ожиданиям, гекзамером и тут же сообразив, что убивцы вряд ли сочтут это чем-то еще, кроме наглого и пьяного стеба, Хромин мгновенно утратил остатки самоконтроля. С невнятным воплем он ринулся к киллеру помоложе и на вид послабее, тут же наступил на очередной камешек и, окончательно охромев, остановился, глядя, как синхронно, будто спецназовцы из вертолета, прыгают из седел оба парня в белом.

«Пропал!» – подумал санинспектор. Дальше события развивались достаточно быстро и одновременно.

Из виноградника справа грохнуло, бронзовый меч почтенного философа вырвался из его руки и, золотой шукой блеснув на солнце, по дуге спланировал на ближайшую этрусскую плиту. Айшат обернулась и увидела, как сверху по склону холма бежит рослый парень в лопнувшем на спине светлом плаще, следом едва поспевают бородастый старичок в грязной футболке и мрачный паренек с кистью винограда в руке. Явно не ожидая от спутников помощи, парень в плаще орал с ужасающим акцентом и угрожающей интонацией:

– Пришел, увидел, победил! Платон мне друг, но истина дороже! – и, добежав, припечатал: – Кроме того, Карфаген должен быть разрушен!

Философ понимающе кивнул и поднял руки над головой. Но его молодой спутник, показывая настоящую воинскую выучку, развернулся на месте, занимая позицию лицом к превосходящим силам противника. В его движениях чувствовался опытный легионер с северных границ. Но в тот же момент из неглубокой канавы за его спиной вынырнул чрезвычайно рослый и необычайно грязный варвар в бороде и белом свитере и, воскликнув:

– Ки-йа! – сперва выбил, наподдав ногой по рукояти, меч из руки юноши в простыне, а затем, подпрыгнув, крутанулся, снося обратным ходом ноги по хлебальнику противника в верный нокдаун.

Сперва на дорогу опустился, держась за челюсть, юноша, затем упал метрах в трех меч.

– *Nos est simplicissimum!* – сказала Айшат в восторге. – *Homo iste statum quartum materiale invenit*⁵.

*Et sic est veritas*⁶! – тихонько подтвердил скинхед Саня, выбираясь из канавы следом за Магистром. И разворачивая на ходу катушку скотча, подошел к поверженным римлянам.

⁵ Это очень просто. Этот человек открыл четвертое состояние материи (лат.).

⁶ Точно.

Глава 2

VOLENTEM DUCUNT FATA, NOLENTEM TRAHUNT⁷

Дмитрий Васильевич Хромин смотрел в неправдоподобно синее небо, где начинали проступать перекошенные созвездия, знанием коих он так гордился в школе. Худший день его жизни близился к непредсказуемому завершению, но это не утешало: трагические и невозполнимые события, насытившие его, вполне могли бы довести до суицида среднего санитарного чиновника, происходи они хотя бы на протяжении полугода. Но есть понятие запредельного, и если за считанный час после обеденного перерыва ты успел взять крупную взятку, лишиться ее, а заодно квартиры, невесты и карьерных перспектив, оказался на мушке киллера, поучаствовал в древнем магическом ритуале, а на закуску, просто в качестве бонуса, оказался в первом веке то ли нашей эры, то ли до таковой, вешаться уже не тянет. Тянет либо просыпаться, либо тихо материться. Но даже этого утешения Дима Хромин был теперь лишен.

– А я тебя не спрашиваю! – взревел за спиной голос человека, который материться предрасположен и, более того, вот-вот начнет. – Не спрашиваю, что мне теперь делать! Я не люблю, когда меня кидают, и никому не советую меня кидать. Когда меня кто-то кидает...

– Я тебя, что ли, кинул? – спросил Андрей Теменев, выходя из-за желтой известняковой плиты. По извечной привычке всех оперативных работников, он вел беседу, расхаживая взад и вперед, хотя, наверное, никогда еще в исторически обозримом прошлом сотруднику Федеральной службы безопасности так не мешали при ходьбе надгробия этрусского капища. Но выбора у невольных путешественников по эпохам не оставалось. Тащить увитых скотчем римлян куда-то еще ни у кого желания не нашлось, а оставлять их без присмотра все дружно сочли неразумным. Но на этом консенсус и иссяк.

– Ты – мент! – обличающе ткнул пальцем в Андрея Магистр Белый, которого хотелось теперь назвать Магистром Грязным, если ориентироваться на состояние свитера. – Ты – мент, и тебя ко мне приставили. И я не уверен, что твое ментовское задание не включало срыв экспедиции в изначальную российскую Чудь...

Продолжая вышагивать по могильным плитам, Андрей закатил глаза и потряс в воздухе левым кулаком. Сжать правую кисть не позволял пистолет системы Макарова, который Теменев почитал за лучшее не прятать под мышку с того момента, как, ободренный победой над древнеримским легионером, русский экстремист Белаш приказал: «А возьмите-ка у него ствол».

Скинхед Саня проявил нерасторопность и получил от вождя очередной подзатыльник, а Алексей Илюхин с готовностью выполнил приказ и теперь хромал на левую ногу, что не мешало ему продолжать пожираение дикорастущего винограда. Только постоянная демонстрация оружия удерживала с этого момента обмен мнениями на уровне словесной перепалки.

– Хорошо, я – мент! – сквозь зубы процедил Андрей, после чего подsunулся вплотную к сидящему у плиты с нарисованным то ли солнцем, то ли улиткой Хромину и потряс «Макаровым» у самого носа чиновника. – Один придурок решил, что я киллер, другой считает, что я мент и сорвал ему экспедицию... Куда?

Хромин предпринял очередную попытку вступить в разговор.

Верить тебе я готов,

⁷ Желającego идти судьба ведет, не желающего – тащит.

Посланный властью убийца...

начал он и, махнув рукой, замолк. В течение всей беседы ему удалось выдавить из себя только пару невразумительных предложений, но уж непременно стильным классическим гекзаметром, от звучания которого и Теменев и Беляш-Белаш всякий раз одинаково мрачнели, зато приходили в возбуждение спеленутые красным скотчем по белым нижним рубашам родовитые римляне, что пребывали у плиты черного базальта с белесым рисунком птички, клюющей змею.

А у соседней плиты из розоватого шпата, наполовину вросшей в землю, тихо застонал бритоголовый Саня. Его тоже здорово зацепило гипнотическим внушением, и теперь любая, даже самая несложная мысль выражалась у него на превосходном курмамском диалекте, характерном для потомков карфагенян, но отнюдь не для лиговской шпаны. Мало того, что ни слова из сказанного Саней не понимал теперь любимый вождь, но и самого скинхеда тяготили, как тяжкий сон, склонения глаголов на -ус и -ис – в них каким-то мистическим образом сквозила уверенность в невозможности вернуться сегодня к десяти вечера в «хрущевку» на Ленинском проспекте. «Хотя, – подумал Саня внезапно, – что в данном случае подразумевается под термином „сегодня“?»

Тут – то Саня и застонал, повторяя на все лады словечки, вызвавшие в памяти Хромина институтский курс гинекологии:

– Вагина, вагинале, вагиналис!!!

– Чего ты от меня-то хочешь? – устало уточнил офицер ФСБ Теменев, проходя по капищу в обратном направлении.

– Отроковицу! – немедленно отреагировал Белаш.

Теменев обернулся с угрожающим видом, и Белый Магистр поспешил пояснить свою мысль:

– Золото несправедное мы найдем, страсть пагубная – тоже не проблема...

– Слушай ты, славянофил! – заорал Андрей. – Ты говори-то хоть по-русски!

– Руссее некуда! – не остался в долгу по напряжению голосовых связок Белаш-Беляш. – Ты нам все это отдаешь и уходишь – и не машешь тут шпалером своим. Я тебе тогда поверю, что ты не мент, а честный фраер, когда ты дашь нам спокойно повторить весь ритуал. Я лично собирался в Русскую Чудь, и я буду в Русской Чуди. Так что мне нужна эта телка!

Словно полководец, призывающий идти на штурм вражеской цитадели, он махнул рукой в сторону Айшат, которая как раз вышла из-за базальтового надгробия. На лбу ее красовался свежесплетенный венок из левкоев и розмаринов.

– Ах, куда же ты скачешь, смешной неумеха!? – торжественно процитировала она и, одарив спорщиков улыбкой, аккуратно протиснулась между поднятым кулаком Белаша и опущенным пистолетом Теменева и присела рядом с трясущим головой, точно от сильной зубной боли, Хроминым. – Я сплела тебе свадебный венок по русскому обычаю, описанному вашим великим Есениным, – певуче и улыбочиво сообщила она.

Хромин поднял глаза поверх ее головы и стал смотреть на звезду Мицар, поднимающуюся над горизонтом, а Теменев хмыкнул:

– А тебе точно нужна эта телка?

– Блин, ну я же не трахать ее собираюсь! – простонал Белаш, устремляясь меж могил. – Она же нам целкой нужна! Где там этот долбаный историк?

Андрей прошел следом, не забыв двинуть локтем под дых Алексея Илюхина, притаившегося за базальтовым надгробием с небольшим булыжником. Каменюгу славный мальчуган выронил и, с ненавистью поглядев вслед лейтенанту, прошипел, адресуясь к безопасно лежащему, уставясь в небо, Хромину:

– Батя вас всех еще трахнет и грохнет!

Хромин собрался с силами для достойного ответа в простых и энергичных выражениях и изрек с классическим прононсом:

Прочь, недоразвитый плод, женским исторгнутый чревом,
Ибо я знал твою мать прежде, чем ты был рожден!

Илюхин увял, почувствовав, что его обозвали недоноском и обматерили в придачу. Айшат водрузила венок на голову новоявленного поэта-классика и поцеловала его в лоб.

– Твои стихи прекрасны, – прошептала она на ухо, – но лишены добрых чувств.

– Я битник, – мрачно пробурчал Хромин. – С сегодняшнего дня я – потерянное поколение. – И самую малость просветлел, кажется, гекзаметр начал отпускать.

Именно в это мгновение Дмитрий почувствовал на себе взгляд.

За всю свою столь же недолгую, сколь и успешную карьеру санитарный чиновник Хромин трижды испытывал ощущение пристального взгляда. Не то чтобы Дмитрий отличался особенной чувствительностью – многие люди, мужчины и женщины, начальство и подчиненные, пытались есть Хромина взглядом, или умоляюще таращиться, или сверлить с намеком на пробуждение чиновничьей совести, но толстокожий бюрократ не реагировал на подобные попытки даже мочкой левого уха. И лишь трижды в жизни врожденный инстинкт заставлял его обернуться в поисках заинтересованных глаз. Первым был декан факультета, миловидная женщина, которой приглянулся молоденький желтоволосый студент, и вот пожалуйста – красный диплом в кармане. В следующий раз – солидный чин из службы госконтроля, ему понадобился молодой энергичный референт. Ну, и вот теперь это была Машка.

Римлянин лежал на боку в крайне неудобной позе, привалившись к каменному постаменту, и глядел на Хромина. Он только что очнулся и, похоже, не заботился ни о себе, ни о все еще пребывающем в беспомощности молодом спутнике. Больше всего старшего латинянина занимал Хромин, ведь именно его хорошо поставленная и модулированная декламация привела в чувство философа-гипнотизера. Было похоже, что римлянин собирается внести коррективы в стиль стихосложения и продолжить обучение успешно обученного пока еще живому мертвому языку. «Пусть даже не пробует, сволочь», – подумал Хромин.

– Чего тебе? – спросил Дима, на четвереньках подлезая под соседний обелиск. – Развязывать даже не проси.

Почтенный патриций досадливо наморщил облупленный нос, изрядно пострадавший от небрежного затыкания рта скотчем. Он не просил его развязать. Но он явно хотел чего-то, и Хромин по своему опыту знал: такие взгляды лучше понимать с первого раза. Дмитрий Васильевич поправил венок на лбу и огляделся.

Айшат, сев на корточки и взяв в руки травинку, играла с муравьем, ползущим по высеченным на шпате этрусским изображениям. Видимо, восточное воспитание требовало не надоедать молодому супругу в день свадьбы и не мешать беседовать с гостями.

– Ну, чего? – нетерпеливо повторил Хромин. – Хочешь ли ты избежать толков с моими друзьями? Я не помощник тебе – мне ведь они не друзья...

Римлянин с огромным трудом перевалился на бок, отчего стали видны кисти его рук, заломленных за спину и перетянутых скотчем. Измазанные в земле, они посинели от притока венозной крови, и Хромин автоматически подумал, что жгут на перебинтованной конечности следует ослаблять раз в три часа во избежание турникетного шока.

– Чего, руки болят? – спросил он. – Видишь ли, ты ведь пленен, и, как положено пленным...

На этот раз философ не дал санинспектору договорить поэтическую строфу, выразительно постучав Головой о землю. Похоже было, он недоволен умственными способно-

стями собеседника. Покопался за плечо, где по-прежнему бесчувственно лежал стукнутый в челюсть румяный юноша. Потом с заметным усилием шевельнул кистями рук и выпрямил на правой средний палец, как будто, предчувствуя общение с жителем двадцать первого века, решил выразить к нему отношение известным американским жестом.

На среднем пальце его левой руки электрической искрой блеснул сапфировый перстень.

* * *

– А теперь послушайте меня, гражданин Беляш! – говорил Андрей Теменев, упершись спиной в замшелый обелиск. Ему уже изрядно надоело отбиваться от непрекращающихся наскоков Алексея Илюхина.

– Почему я должен тебя слушать, а не ты меня? – подозрительно проворчал Белый. – И не Беляш, а Белаш!

– Потому что у меня есть вот это, – сунул патриоту под нос железного «Макарова» Теменев, – а еще потому, что ты треплешься уже больше часа. Теперь вот что. Я не знаю, где мы, и ты не знаешь. Этот твой историк утверждает, будто в Древнем Риме. Да хоть в Туркмении. Главная сейчас задача – не окочуриться тут поодиночке, это ты можешь понять? Нам надо держаться вместе, потому что твой историк может разобраться, что здесь творится, а этот мой взяточник несчастный со своей бабой шпарит по-местному как по писаному.

– Это не его баба. Это моя жертва.

– Я тебе дам «жертва»! – угрожающе потряс пистолетом сотрудник ФСБ. – Нас тут семеро, из которых трое несовершеннолетних. И если тут хоть одна сука начнет жертвы приносить... Это у тебя укладывается в твоей дурной башке, или повторить?

– Мне нужно в Чудь, – мрачно пробурчал Белаш.

– Заколебал ты меня со своей Чудью! Мало ли куда тебе нужно? Я тебе говорю, что нам всем нужно. Сейчас организовано идем допрашивать пленных. Не бьем их и ушей не отрезаем. Пойми ты, что если к местным властям мы вломимся по одному, то нас упрячут в психушку, а если все вместе...

– Властям... – презрительно зацепился Белаш. – Мент, он мент и есть.

– Товарищи!

С холма, почти уже невидного на фоне быстро темнеющего небесного ультрамарина, быстрыми шагами спускался Хромин-младший. Его борода восторженно торчала в разные стороны.

– Товарищи, я могу, конечно, ошибаться, но, судя по всему, мы с вами на легендарной Аппиевой дороге.

– Просто на ушах висит, – согласился Андрей.

– Ну как же! – изумился историк. – А где же, по-вашему, Спартака распяли?

– Это не Спартака распяли, – привычно возразил Белаш, – это римская католическая церковь пыталась мифологизировать деяния православного Христа.

– Все! – скрипнул зубами Андрей Теменев. – По-хорошему вы не хотите, а я уже не могу» Я пошел допрашивать. Хотите – идите со мной, не хотите – идите в задницу. Но если кто-нибудь тронет хоть одного переводчика, я эту сволочь самолично пристрелю. Dixi⁸!

Он двинулся между известняковыми плитами, и навстречу ему из кустов бузины выбрался Алексей Илюхин, на ходу застегивая черные, подвернутые у ботинок джинсы. Лик юноши свидетельствовал, что все враждебные поползновения забыты.

⁸ Я сказал (лат.).

– Что, понос? – злобно осведомился Андрей, оглядываясь через плечо. Белаш и историк шли следом. – Вы меня слушайте, слушайте, здоровее будете!

Вопреки ожиданиям, у памятника с изображением солнца ни Хромина-старшего, ни его названной супруги не оказалось. Все огляделись. Кругом были все те же покой и тишина, только небо над головой стремительно становилось ультрамариновым. На западе слоями томатного сока в любимом и Теменевым и Белашом коктейле «Кровавая Мэри» горели полосатые облака.

– Дмитрий Васильевич! – вкрадчиво позвал Андрей. – Эй, Дмитрий Васильевич! Идите к нам, Дмитрий Васильевич, нам нужен ваш язык.

Тишина. Только где-то завел свою ночную песню чибис.

– Еще не хватало, чтобы этот придурок сбежал, – мрачно сказал Теменев. – Вроде интеллигентный человек, должен бы понимать.

– В жизни Димка не был интеллигентом, – сурово, словно вернувшись мыслями в старую квартиру на втором этаже, сообщил Святослав Хромин. – А был он жлобом и...

– А еще эта чернозадая дура, – подхватил Илюхин, болезненно, как при коликах, морщась.

– Эта чернозадая дура, – не оборачиваясь произнес Андрей, – говорит по-здешнему, да еще и стихами. А ты и по-русски-то не вполне. Я знаю десяток латинских поговорок, историк вон – через пень-колоду. Что, Святослав Василич, если братец сбежал, вам переводить придется-то.

– Я не совсем... – растерялся Святослав, ероша бороду, и поежился, кутаясь в безобразно растянутую холостяцкую майку, на животе которой еще виднелись следы жарки картофеля без передника. – Я не уверен... Ночью будет дождь. А дожди здесь...

– Санечка! – рявкнул Белаш.

Но и парень в черно-оранжевой куртке делся куда-то, как будто ветром его сдуло.

– Дотрепались, – подытожил Андрей и на всякий случай дослал патрон в патронник. – Довыступались гражданин Белаш. Кто вязал пленных? Ваш малохольный Саня? Я ничуть не удивлюсь, если сейчас на пороге стоит легион солдат, или как тут внутренние войска называются, подскажите?

– Один раз мы их побили... – заклекотал Белаш.

Андрей не слушал, он быстрым шагом пробирался между древними могилами, взглядом нашаривая две знакомо белые спеленутые фигуры. Нашел только одну, и это сразу, еще пока глаза не привыкли к полумраку» ему не понравилось.

– Заткнитесь все, – прошипел он, присаживаясь на корточки перед лежащим у плиты римлянином.

Поза того казалась еще более, если только такое возможно, неудобной. Когда патриция, перемотанного красными полосками скотча с ног до головы, бросили здесь, он упал навзничь, придавив собственные руки. Теперь же, хотя тело лежало ничком, а извоженная в земле тога задралась, обнажая сзади хорошо сформированные, хотя и покрытые негустой шерстью икры ног, лицо его по-прежнему было обращено на запад и отчасти вверх по склону холма, потому что голова запрокинулась и повернулась под непривычным и неприятным углом. А на шее добавилась еще одна красная, нет, уже бурая, подсохшая полоска, неровные потеки шли от нее за ворот тоги, застегнутой на плече драгоценной пряжкой, и вниз, на черную, поросшую мелкой колючей травкой землю кладбища.

– Ну, Дмитрий Васильевич... – негромко протянул Андрей. – Недооценил я вас, Дмитрий Васильевич.

* * *

Вечер в харчевне Апатия, что на Аппиевой дороге всего в нескольких стадиях от Капенских ворот Рима, завершался, как и тысячи других вечеров. Когда с черного, наполовину затянутого тучей, неба рухнули первые, тяжелые, будто сливы, капли, одноглазые ветераны, отпущенные женами под честное слово с десятком сестерциев на базар, уже выпили и отпели свое. Уже отскандалили и вышли на свежий воздух разбираться молокососы, мнящие себя золотой молодежью Вечного города, которым хмель, как и старым запойным пьяницам, ударяет в голову быстро, после пары-другой кружек перебродившего солода, именуемого здесь не пивом, а сидром. Да и сами старые пропойцы уже нашли в себе силы подняться с длинных скамей и, оставляя за собой плотный шлейф винных паров, покачиваясь скрылись в ночи, почтительно побуждаемые и поддерживаемые специально обученными рабами.

Наступил час, когда управляющий заведением Апатий – вольноотпущенный-финикиец – обходил все три питейных зала и вежливо, но настойчиво приглашал на выход засидевшихся посетителей. Он выставил поэта, брошенного сразу двумя знатными матронами и исчерпавшего все кредиты у гетер, а потому и твердо решившего перед тем, как свести счеты с жизнью, написать стихотворение, обличающее всех женщин мира. Не без труда вернул к реальности двух молодых людей в коротеньких, по последней моде, хламидах, самозабвенно игравших, выбрав угол потемнее, в кубарь и починок. Перемигнулся с платным осведомителем одной знатной фамилии, всегда уходившим позже всех, чтобы быть уверенным, что ни внучатый племянник, ни двоюродный брат нанимателя не пропивают семейное добро в кабаке. И уже совсем собирался гасить фитили в масляных и сальных плошках, подвешенных к почерневшим от времени балкам, когда снова увидел этого гражданина.

Апатий обратил на него внимание еще в разгар вечерней пирушки, когда тот, пытаясь позвать раба, обходившего залу с соусником и жареными каштанами, раз за разом поднимал руку, как бы собираясь что-то сказать, и тут же опускал, словно напомним сам себе, что ничего хорошего не скажет. Хорошенько изучив за последние тридцать лет самые разные типы человеческой природы и психологии, Апатий мог бы с уверенностью утверждать, что в данном случае не тупость, а скорее ум жаждущего и алчущего раз за разом сдерживают его разговорчивость. Теперь же клиент, прислонившись спиной к черной, как и все поверхности в этой зале, вертикальной балке, поддерживающей крышу, лежал головой на столе. Но не по пьяни, – весь его вид выражал глубочайшее отчаяние.

– Гражданин! – со всей возможной учтивостью проговорил управляющий, разглядывая желтые волосы и трудноразличимую в полумраке фигуру, равно как и ряд из бутылок, за которыми клиент укрылся, как за убогим частоколом. – Пришло то время, когда мы счастливы пожелать тебе скорейшего к нам возвращения после будущего восхода.

Гражданин поднял мутноватые карие глаза на говорящего, огляделся в поисках того, к кому еще они могли бы относиться, сделал неуверенный жест, прищелкнув пальцами, словно собирался позвать кого-то. Но нет, вновь невидимая длань самоконтроля сдавила таинственному незнакомцу голосовые связки, и, поперхнувшись невысказанной тирадой, молчун только широко и поэтически обвел жестом сумрачный питейный зал.

Апатий подошел к столу и с решительностью, свойственной только людям, давно и успешно продающим спиртное в розлив, взял бедолагу под локоток. Вежливо пододвинул скамью и, придав телу клиента нужное ускорение, повел к двери. Неясные, колеблющиеся тени осветили каменную кладку стен со вбитыми в них то выше, то ниже крючьями, на которых сушились связки красного лука, чеснока и несколько козьих окороков, скользнули по затянутым слюдой оконцам и, отразившись в них, запрыгали по выщербленным ступеням лестницы, ведущей на второй этаж, в комнаты для гостей.

Постояльцы у Апатия не появлялись поди уже вторую неделю, или декаду, если вести счет по-римски – на десятки дней. Это раньше, при владычестве императора Тарквина, именуемого также Лоцием Сервинейским за победу, одержанную им возле Пелопоннеса, и, соответственно, жестокого наместника Росция Асея, известного под именем Рудифера Безбородого, прославившегося стрельбой из лука на состязаниях, устроенных в честь торжества римского флота над киликийскими пиратами, торговля процветала, а от посетителей в таверне не было отбоя. Но с тех пор, как в каменных стенах Вечного города воцарился диктатор, именуемый Луллой, хотя его настоящее имя было иным...

Тьфу ты! Простодушный финикиец за все восемнадцать лет, прошедшие с часа пленения его фалангой римских ветеранов, так и не привык к шизоидной привычке народа, считающего себя владыкой мира, без конца переназывать и переименовывать самые, казалось бы, очевидные понятия и предметы, основываясь на диком для высокоразвитой нации предрассудке о сокрытии истинной природы вещей от неких злых духов.

«На территории Финикии, – привычно подумал Апатий, – на вещи смотрят как-то проще. Там не придет в голову назвать трирему каракой потому только, что в противном случае морские девы непременно разгневаются и потопят хрупкую лодчонку. Даже собственную столицу называть Римом вслух здесь не положено, если не хочешь прослыть невежей, следует говорить просто „Город" и при этом многозначительно заводить глаза, тогда уж точно не прогневишь богов». Апатий окончательно утратил логику здешнего бонтона с моветоном и перестал прилагать усилия, чтобы запомнить многочисленные прозвища, имена и боевые клички очередного правителя. Тем более что и правители здесь сменяли друг друга не как в менее цивилизованных странах – путем престолонаследия, а исключительно в результате переворотов, мятежей и интриг в выборных органах власти, самых демократичных во всех трех частях света.

Короче говоря, нет постояльцев. И не будет, судя по всему.

– Э-э! – проговорил желтоволосый. – Ку-да-ты-ме-ня... Мне ненавистна та дверь, ибо за ней стоит белый... – Он смолк, с выражением человека, борющегося с неодолимой тошнотой.

Но не поэтому Апатий внезапно остановился и усадил посетителя на табурет у двери, где в дни свадеб простонародья и сборищ контрабандистов усаживали крепкого раба, осуществляющего фейс-контроль посетителей, засветил каганец из плошки с растопленным салом, где плавал конопляный фитиль. Свет обрисовал фигуру нестандартного посетителя таверны, костюм которого и сам-то по себе выглядел странновато, но покрой, в конце концов, можно придумать всякий, если у тебя денег куры не клюют, а единственное развлечение – это возлежать, пожирать и наблюдать за тем, как ближние то ли убивают, то ли насилуют друг друга. Можно нарядиться в узкие, как у надсмотрщика на галере, штаны и потешный жилет, вроде тренировочного гладиаторского панциря. Но текстуру ткани не подделаешь, а Апатий с первого касания ладонью ощутил незнакомую и не значащуюся в каталогах личного опыта материя.

– Пора спать, – как можно любезнее объяснил управляющий, – пусть нас всех укроет плащ милосердного Гипноса.

Вспомнилось Апатию, авось к месту, он доверял подсознанию... Однажды хозяин таверны имел неосторожность вслух подумать, как историки будущего разберутся во всей этой путанице, и едва уцелел, будучи услышан невоздержанным на язык и руку деканом римского легиона. «Жалкий лавочник! – орал, помнится, одноглазый вояка, методично кроша кулаком хрупкую неапольскую керамику. – Что ты можешь понимать в богопосланных наших правителях! Клянусь Геркулесом, ты не можешь понимать ничего!» С этим Апатий готов был согласиться, в конце концов, он приезжий и ксенофобия по отношению к нему вполне понятна. В чужую сукновальню со своим чесалом не ходят.

Поток воспоминаний был нарушен. От последнего Апатиевого слова посетителя затрясло:

– Гипноз!... – проговорил Дмитрий Хромин и умолк, как будто мог охарактеризовать данное явление развернуто, но боялся оскорбить непонятно чью чувствительность.

– Я сейчас, – сказал Дмитрию Хромину смуглый пожилой дядька. – Спешить тебе некуда, ты пока присаживайся... – и вышел в кухню, поглядывая искоса с непонятным интересом.

Хромин остался сидеть на ледяной мраморной скамеечке, чего при других обстоятельствах сделать бы не рискнул, беспокоясь о сохранности почек. Но сейчас первоочередной задачей казалось успокоить дрожь в коленях. И не закрывать глаза. Потому что перед ними сразу, как на запущенном по кругу рекламном табло над Невским, начинали крутиться веселые картинки.

Вот бежит, прыгая через ступеньки, по лестнице вниз за тобой сотрудник ФСБ по имени Андрей. Вот ты проваливаешься в негорячий, но какой-то безжизненно жаркий оранжевый туман, и тебя трясет, волочит в прошлое по оси времени. Вот синие звезды напрочь незнакомой страны и треклятый, застрявший в горле гексаметр. И наконец, последнее: белая тень у подножья памятника, и белая тень над ней, оглядывающаяся кругом, хотя нет у тени ни лица, ни глаз. «И отвратительный хруст, с которым отточенное бронзовое лезвие пересекает натянутую под кадыком кожу, наружную фасцию шеи, мышцы, клеидо-мастоидеум... блин, я уже и думаю на этой долбаной латыни!»

Высунувшийся из двери кухни Апатий отчетливо разглядел, как странный посетитель полез куда-то под пройму жилета, потом бессильно уронил руку на столешницу, и в раскрывшейся ладони блеснул свет, который тускловатый огонек каганца может извлечь только из действительно ценного камня. Нимало не заботясь о времени и месте, желтоволосый то ли варвар, то ли поэт недоуменно тарасился на сапфировый перстень, за который его с превеликим удовольствием зарезал бы в подворотне любой из праведных ветеранов.

– Эй, официант! – наконец глухо проговорил Дмитрий. Вернее, хотел произнести, а промычал нечто неразборчивое.

– Здесь, – словно эхо отозвался финикиец.

Бутыль с жидкостью неясного происхождения и назначения стукнулась о плохо оструганные сосновые доски стола, рядом было поставлено блюдо с едва поджаренной рыбой. Опыт содержателя кабака подсказывал, что сейчас клиент хочет вовсе не кулинарных изысков.

– Глотни, – посоветовал многоопытный Апатий, – полегчает. Где такой хитончик отхватил, поделись?

Санинспектор Хромин нацелился было ответить, но почувствовал, как в горле теснятся строки: «Там, где суровый Борей спорит за дождь с Аквилоном», и замычал, словно от сильной зубной боли.

– Ком-на-та, – произнес он в результате внутреннего борения аккуратно, чуть ли не по складам. – Сна жаждет тело мое.

– Как будем регистрироваться? – скучным голосом поинтересовался Апатий, подходя к очагу и выбирая уголек поострее. Осмотр мраморной дощечки, где среди угольных разводов красовались имена тех, кто съехал две недели назад, серьезно возмутил Апатия. – Феми-стокл! – рявкнул он столь неожиданно что гость непременно поперхнулся бы вином, если бы уже рискнул отведать его.

Мальчик лет восьми появился неожиданно, он спал на вязанке хвороста у камина и совершенно сливался с нею. Тут же, однако, он вскочил на ноги и почтительно вытянулся перед содержателем заведения. В каждом его движении чувствовалось, что за уши и вихры он тут таскан неоднократно. Что поделат, такова судьба всех сыновей греческих невольни-

ков, захваченных в митридатовых войнах, отданных в услужение, совмещенное с обучением, в тайной родительской надежде, что на возрасте они будут взяты в богатые римские дома, а там, глядишь, и приглянутся какой-нибудь нетвердой в предрассудках матроне.

– Фемистокл! – внешне ласково, но со скрытым в голосе педагогическим металлом проговорил Апатий. – Не велел ли я тебе вытирать дощечку по утрам?

– Всенепременно! – ушло кося глазом на синеватый камушек на пальце единственного запоздалого клиента, отвечал мальчуган. И тут же почувствовал стальные финикийские пальцы на многострадальном левом ухе.

– Ты зенками-то не шуруй особенно, – процедил сквозь зубы Апатий. – Не твоего ума дело, понял? Подотрешь мрамор, спать не ложись, а подымись на второй этаж, чтобы гость худого не заподозрил, да по задней лестнице и выйди. От дождя рогожу возьми, я разрешаю, и – ноги в руки – на виллу к госпоже, понял ты меня? Скажи, Апатий кланяться велел и просит обратить внимание: «Над всей Италией безоблачное небо».

Мальчик одновременно с хозяином поглядел в окно, где увесистые капли плющились о слюдяные пластины, заставляя их вздрагивать и гудеть подобно барабану.

– Не твоего ума! – совсем уже домашним тоном добавил Апатий и, крутанув ухо еще разок, отпустил.

– За мальчишкой глаз да глаз нужен, – доверительно склонился он к Хромину, с трудом приходящему в себя после первого глотка.

Спиртной напиток оказался щедро сдобрен специями, словно специально, чтобы отбить исходные запах и вкус, и даже самый опытный и безразличный к разносолам пьянчуга, впервые отведав его в харчевне Апатия, на определенное время погружался в раздумья: что это нам такое дали?

– Ну да ребенка воспитанием не испортишь, как и ужин вином, не так ли, уважаемый? У вас ведь есть дети? – заискивал Апатий.

– Холост, – немедленно заявил Хромин, радуясь возможности составлять предложения из одного слова. – Бездетный. Сирота. В командировку. Один.

– Ах! – Апатий умильно сложил руки на груди, прислушиваясь между делом, как хлопает дверь, ведущая с задней лестницы на улицу. – Если бы каждый посетитель взял у тебя урок риторики, уважаемый ты мой. Кратко, ясно и по делу! Ты представить не можешь, как каждый заштатный декан начинает рассказывать о себе в ответ на элементарный вопрос: все битвы перечислит, даже если и рядом его в них не было. А под конец еще и наорет: «Какое право вы имеете соваться в мое прошлое?!» А мне и не нужны твои подвиги, его подвиги. Можешь себе на мраморе в семейной усыпальнице высекать свои подвиги. Мне нужны имя, должность, место проживания... И, ради бога, спи, хоть не просьпайся совсем.

Апатий выжидательно взгляделся гостю в глаза, не опуская руки с угольком. Но тот, прикинув, как обозначить эквивалент своей настоящей профессии (в голову упорно лезло дурацкое «мздоимец Храма Саниты и Гигеи»), поднялся из-за стола, отставив подальше злополучную бутылку.

– Я холост! – действительно произнес он, решив вложить в эту фразу сразу все смыслы и эмоции.

И тут же рухнул на предупредительно подставленные руки финикийца. Трудно сейчас с уверенностью утверждать, содержало ли известное у всех гладиаторов, пропойц и кутил Рима «снадобье Апатия» наркотические препараты, или перец, сандал, корица, лавр и еще двадцать четыре составляющие этого сладковатого пойла сами по себе рождали такой эффект. Во всяком случае, вольноотпущенник утверждал, что рецепт вывезен им с далекой родины, умалчивая, правда, что там им пользуются преимущественно для лечения мулов.

Сначала мул, правда, бьется очень сильно, но зато потом делается как мраморный и летит, словно стрела варваров. Не могли этого отрицать и те, кто рискнул с похмелья, от

любовной неудачи или полученной в бою раны испробовать состав на себе. С ног он валил гарантированно в течение двадцати минут на верные три-четыре часа. Просыпались вы с ясной головой, сильной жаждой и удивительно сильным либидо.

Спустившись со второго этажа, где разместился неожиданный постоялец, Апатий прежде всего вытер лицевой мрамор начисто и сделал аккуратную запись. Если квестор уличит таверну в приеме незарегистрированного гостя, никакой перстень не поможет и хозяйка выполнит давнюю свою угрозу, кастрировав своего управляющего. Финикиец хмыкнул, припомнив, как при последнем служебном скандале умудрился привести пышущую гневом матрону в доброе расположение духа, когда на обещание расправы: «И клянусь Дианой девственной, еще одна история с настойкой белладонны, и я лично отсеку тебе все висящее, подлый раб», он почтительно ответил: «Чем сделаете меня куда более похожим на любимую госпожу». Госпожа ухмыльнулась, отчего сразу перестала выглядеть матроной, а стала похожа на нормальную девчонку лет двадцати с небольшим, прекратила орать и уехала на виллу трахаться с одним из своих консулов.

Апатий меланхолично вздохнул и разложил перед собой содержимое карманов костюма из необычайной ткани, а также небольшой образец, отпоротый от внутреннего кармана пиджака Дмитрия Хромина. Перстень он трогать не рискнул, а вот перерисовать знаки неизвестного алфавита из маленькой, в ладонь величиной, тетради с удивительно похоже изображающей желтоволосого миниатюрой на тончайшей гибкой, вроде китового уса, пластине полезно хотя бы и для самообразования. Вот теперь точно есть о чем составлять донесения. Кому, это мы решим позже.

Апатий покосился на слюдяное окошко, за которым уже вообще ничего было не разобрать, достал из изящного, по случаю купленного на эгейской распродаже шкафчика папирус, тушью рисованную копию поэмы «О природе вещей» Тита Корнелия в переводе на египетское иероглифическое письмо, придавил мраморной курильницей непослушную плетенную из болотной травы страницу и, высунув язык от усердия, некоторое время вглядывался в сложные для понимания символы. Потом не без труда извлек массивную подставку под древки и дротики, выставляемую под ноги пирующим солдатам, и отвернул несколько деревянных болтов, крепивших ее к стойке, за которой сам Апатий или двое его рабов целыми днями торговали прохладительными напитками в жаркие дни и горячительными – в дождливые вечера в конце ноября.

На обороте дощечки оказалась другая, восковая, совсем как те, что таскают с собой впечатлительные юноши, воображающие себя молодыми поэтическими дарованиями и боящиеся пуще смерти забыть изящный рифмованный оборот. На медово-желтой поверхности воска отчетливо выделялись точки и линии – человек образованный и сведущий в криптографии непременно разобрал бы в них таблицу, помогающую при шифровке и дешифровке посланий тем методом, что несколько веков спустя ошибочно получит имя Цезаря, хотя никакой цезарь никогда такого не изобретал.

Пусть таверна потеряла обычный для прошлых лет постоянный поток покупателей, разведки нескольких сопредельных и дружественных государств не оставляли Аппиеву дорогу вниманием, а бывалого финикийца благодарностями, которыми расплачивались за умеренную информацию о введущихся за столиками разговорах, перемещениях вооруженных отрядов и просто интересных случаях из Книги рекордов Ромула и Рема. Правительство, в свою очередь, полагая, что сей стратегический пункт следует держать под контролем, платило бывшему рабу за регистрацию разговоров, способных подвергнуть риску республику, демократические свободы и даже жизнь императора, имя которого Апатий постоянно забывал.

Вот почему, когда в этот вечерний час раздался приглушенный стук в дверь, а пламя конопляного фитиля метнулось и чуть не погасло, отчего по комнате засновали тени, похо-

жие на невысказанные укоры совести, сердце финикийца невольно сжалось. Но он тут же напомнил себе, что оказание помощи ночному прохожему не только моральный долг владельца предприятия общественного питания, но за отказ от таковой помощи вполне можно лишиться и разрешения продавать «съестное, питье и все потребное для порядочной и веселой трапезы». Быстро закрутив табличку с шифром обратно под ноги посетителю и свернув шифровальную литературу в рулон, Апатий подошел к двери и выглянул в обитое медным листом по краям окошечко.

На улице под потоками дождя неясно вырисовывалась белая фигура.

* * *

Гекзамер отступал постепенно, словно гриппозный жар. Ужасно хотелось пить и, как ни странно, женщину. Поворачиваясь на тюфяке, набитом, кажется, сушеными водорослями, Дмитрий на всякий случай оглядел конуру, где провалялся несколько часов, – не снабдил ли его предупредительный хозяин и ночными бабочками? Убранство комнаты могло бы охладить, казалось, чей угодно любовный пыл, но Хромин вместо этого отчетливо представил себе Машку. Сейчас даже жара в спальне вице-губернатора города Санкт-Петербурга не помешала бы реализации самых необузданных эротических фантазий любимой дочери сановника. Но где та дочь?

Теперь уже не требовалось усилий, чтобы поверить в реальность происходящего. Наоборот, ситуация была ясна в своей простоте и неприглядности. Санкт-Петербург далеко. Далеко на севере и далеко в будущем. Тысячи через полторы лет родится прадед того царя, который заложит город в дельте Невы. А пока там бегают красивые неандертальцы в оленьих шкурах.

Ситуация становилась критической, сексуальные желания возникали даже при мысли о неандертальцах. Есть же у них самки. Надо сейчас одеться и первым делом найти здесь какой-нибудь вокзал. Не то место, где провожают поезда, а то, где роятся девочки, которые на вопрос «сколько» никогда не ответят «полвосьмого». Но вот проблема, примут ли они билеты Государственного банка России или даже Казначейства Соединенных Штатов, и, главное, найдется ли здесь хоть один приличный обменник?

«Хватит дурака валять! – прикрикнул сам на себя Хромин. – Ты хоть представляешь, чем будешь за ночлег расплачиваться? И что здесь делают с несостоятельными должниками, просто морду бьют или продают на галеры? И кстати, где одежда? Где карманы, набитые валютой двух сверхдержав будущего, где паспорт, где удостоверение сотрудника ЦГСЭН⁹ наконец?! Хромин понял, что подсознательно рассчитывал на последнее больше всего, а теперь чувствует себя так, будто у него украли не костюм, а имя. Кто я? Дмитрий Хромин. Деметриус Хромини. Землепашец, прозванный Семипедисом.

На лестнице послышались шаги, и Хромин, тут же окинув себя контрольным взглядом, невольно подумал, что более беспомощно и нелепо выглядеть трудно. В темной грязноватой комнатухе, пригнув голову, чтобы не стукнуться о низкий потолок, он стоял в семейных, топырящихся спереди трусах, словно бы для симметрии выставив вперед указательный палец, на котором сам собой светился в полумраке синий камушек на перстне.

Зафиксировав свечение, Хромин даже удивился своему волнению по поводу неоплаченных счетов и ненайденных шлюх. Ведь его должны убить. Его не убил киллер, прикинувшийся эфэсбэшником на питерской лестнице. Его не убила белая фигура на этрусском упокоище. Кто догонит его теперь здесь, в древнеримской гостинице?

⁹ Неудобнопроизносимое сокращение от Центра государственного санитарно-эпидемиологического надзора.

Дверь, не запертая изнутри на деревянную вертушку, отодвинулась не сразу: перекошенную в косяке, ее пришлось дернуть раз, другой и третий. Дмитрий напоследок подумал, что в этих рывках тоже есть нечто эротическое, и стал готовиться к смерти. Он позволил себе последнее развлечение – угадать, что появится на пороге: ствол с глушителем, отточенное лезвие или нечто еще не виданное?

– Чуть свет, – сказала Айшат, пригибаясь, чтобы пройти под притолокой, – муж на ногах, и я у ваших ног!

Вот уж кого не смущала поэтическая направленность речи, приобретенная под гипнозом покойного римлянина. Она и в Питере-то изъяснялась по-русски в основном стихами, потому что учила их наизусть и была уверена в правильности построения предложений. Теперь Айшат шпарила Грибоедова в вольном, но вполне адекватном переводе на мертвый язык, переводя вместе с бессмертными строками и собственные нерусскоязычные ошибки и оговорки.

За спиной девушки, промокнувшей до нитки, но тем не менее улыбающейся, виднелось благостное лицо Апатия, такое умильное, что казалось, его устами сейчас заговорят все сводники двадцати последующих веков.

– Вот, женщина, человек, которого ты хотела видеть. Муж ли он тебе?

– Муж, муж! – разулыбалась Айшат, глядя на Хромина лучистыми, несмотря на их черноту, глазами.

То, что осталось от природного стыда в санитарном чиновнике, провалившемся в позапрошое тысячелетие, заставило подумать, что радуется гостя все-таки тому, что видит его лицо. Апатий подмигивал за ее спиной понимающе, с колоссальной мужской солидарностью в каждом кивке.

– А одежда ваша, не извольте сомневаться! Фемистокл почистил, теперь гладит. Будет как новая.

«А он и есть новый», – глупо подумал о костюме Хромин, но вежливый трактирщик уже тактично, в два-три пинка ногой, прикрыл дверь.

Айшат прошла по комнате, не отрывая взгляд от суженого, явно ожидая каких-то комментариев к предстоящей брачной ночи, в чем бы они ни заключались. А Дмитрий Хромин стоял, поворачиваясь ей вслед, и решительно не знал, с чего начать. Хоть бы имя ее узнать...

– А тут мило, – сказала Айшат, без малого не ударившись головой о крюк, непонятно зачем вбитый в потолок. – Ой, ты смотри! – Она приникла к закрытому ставнями оконцу, распахнула их и уперлась руками, выглядывая наружу. – Точно, виноград дикий по стене! Дядя Салим все хотел, чтобы под окнами по стене рос виноград, но у нас был только первый этаж. Ты специально выбрал этот кемпинг?

Хромин понял, что на вопрос о кемпинге сил уже не остается. На фоне сырой после прошедшего дождя ночи вырисовывалась изящная женская фигурка, облокотившаяся на подоконник, в мокрой прозрачной одежде. Хромин сделал шаг к названной невесте, коснулся ее, стиснул.

– Гюльчатай, – прошептал он хрипло, когда молчать стало уже совсем нельзя.

Айшат, дисциплинированно и молча отбивавшаяся, вдруг заскулила чего-то.

– Что? – не понял Хромин, лихорадочно добираясь до ее груди. За то мы и любим эту, наследованную от диких зверей, позицию для занятий любовью, что легче легкого, не отрываясь от процесса, почувствовать ладонями сразу обе передние округлости возлюбленной.

– А дядя? – спросила Айшат и сама подивилась своему голосу. До сих пор она обычно говорила на выдохе, а тут и не поймешь на чем, дыхание-то перехватило.

– Что «дядя»?

– Дядя Салим! – чуть не заплакала она при мысли о том, сколько еще формальностей отделяет ее от мужа.

Но у мужа было другое мнение.

– Какой, е-кэ-лэ-мэ-нэ, дядя Салим?! – заорал Хромин, с хрустом рванув последний кусок материи, препятствовавший обоюдному блаженству. – Не надо нам дяди Салима!

– Не надо нам дяди Салима! – в тон ему закричала Айшат, совсем уже ложась грудью на подоконник, и тем же торжествующим, хотя и прерывающимся тоном стала выкрикивать в древнеримскую ночь слова, подходящие к моменту если не по смыслу, то по интонации:

Любить! Это с простынь, бессонницей рваных,
Срыватьсь, ревнуя к Копернику.
Его, а не мужа Марьи Ивановны
Считая своим соперником.

Одинокий путник, понуро бредший мимо таверны Апатия, обернулся на бессмертные строки Маяковского. Ноги путника были основательно сбиты, белый свитер окончательно потерял первоначальную форму и висел мокрым мешком. Мокра была и борода, она сбилась на сторону, стала неприятной и подозрительной. Путник взгляделся в окно таверны, понял, что именно он наблюдает, и только сподобился обалдело потерять ладонью бритый череп, на котором уже стала проступать колючая щетина.

– Сволочь! – в нечеловеческом ужасе простонал Анатолий Белаш. – Что же это ты сделал? Это же моя отроковица невинная! Как же мы теперь к славянам-то попадем?

Глава 3

OMNIA MEA MECUM PORTO¹⁰

– А ты что видела?

Айшат лежала на жестком и неудобном тюфяке, но не особенно замечала его, потому что под головой у нее удобно разместилась рука Дмитрия Хромина, а до самых глаз ее укрывал пиджак из ткани, невиданной в Древней империи. Периодически Айшат закрывала глаза, и тогда Хромин чувствовал себя красноармейцем Суховым, соблазненным-таки Гюльчатой в далеком Туркестане. Рукой не двигал, хотя отлежана она была уже основательно. Все женщины любят отдыхать, примостив голову на мужском бицепсе, нисколько не заботясь о кровообращении в конечностях любимого.

Хромин, словно на часы, взглянул на левую руку, где прямо на ладони сделал необходимую надпись шариковой ручкой.

– Айшат! – прочитал он.

– А? – Глаза над воротом пиджака открылись и глянули сонно и счастливо.

– А ты чего видела? Там, на кладбище?

Айшат только удивленно сморгнула.

– Ну, вот сплела ты венки, – Хромин кивнул на размокшие под дождем левкои и гиацинты, свалившиеся с головы девушки при излишне бурном объяснении на подоконнике и теперь лежащие на полу, рядом с аккуратно сложенными, свежевыглаженными брюками. – Вот подошла ко мне, и я тебя послал подальше...

– Это не меня... – улыбнулась Айшат мечтательно, как всегда улыбается женщина, когда условности не мешают показать понимание трехэтажного мата. – Это ты послал подальше озлобленного мальчика, который ушел следом за вооруженным офицером и яростным воином...

– Плевать на яростного воина! – отрезал Хромин. – Вот они ушли, а ты сказала, что у меня стихи не такие, как надо. Очень хорошо. Я не обижаюсь. А дальше что ты видела?

– Ты встал и пошел поговорить с... – Айшат затруднилась с русскоязычным определением и, пошевелив губами, сформулировала: – Eo ipso¹¹.

– Эо ипсо, – проворчал Хромин, – ну, дальше.

– Не дело женщины присутствовать при разговоре двух джигитов, – невозмутимо пожала плечами восточная девушка.

– Ты что, отвернулась, что ли? – с тоской спросил Хромин, особенно остро почувствовав, как затекла рука.

– Я зашла за могилу! – с достоинством ответила Айшат. – Бывают моменты, когда девушке надо зайти за могилу.

– М-да, – подумал вслух Хромин, – свидетелей у меня, стало быть, нет. Я подошел к нему. Я снял у него с пальца кольцо. А дальше?

– На закате длинные тени, – подумав, сказала Айшат. Это звучало как начало очередного стихотворения, но продолжения не последовало.

– И что?

– Я видела тень того, кто стоял у камня. Он поднял что-то длинное и острое. Он опустил его резко. Он ушел по направлению к дороге. Когда я вышла из-за могилы – а бывают

¹⁰ Все свое ношу с собой (лат.).

¹¹ В целом (лат.).

моменты, когда девушке нужно выйти из-за могилы, – там лежал только бедный *Ео ipso*. А от дороги возвращался ты...

– Я вернулся, – нервно зашептал Хромин, – конечно, я вернулся! Я же не знал, в какую сторону идти, и решил, что лучше рискнуть и потратить полминуты, чем потом полдня. Ты же видела, я подошел, а он ужедохлый! И я побежал.

– А я побежала за тобой. Но поскольку на мне были туфли...

– А белого ты видела? Белая фигура, ломившаяся через виноградник? Ты ее успела разглядеть?

– Поскольку на мне были туфли, то я сразу отстала от тебя, но сняла их и продолжала бежать. Потому что ты мой муж!

– Минуточку! – перебил ее Хромин. – Что значит «потому что»? А если бы я не был твоим мужем?

– Во-первых, я не знаю, какие у вас на свадьбах обряды и традиции...

– Что ты мне плетешь? – возмутился Хромин. – Что ты мне на уши вешаешь? Ты что же, хочешь сказать, я прирезал этого римлянина, а ты, мол, все равно за мной босиком, потому что у нас, у русских, традиция на свадьбе прирезать, предварительно обмотав скотчем, джигита, пришедшего в гости? Ты соображаешь, что мелешь? Ты фильтруешь базар?

– Иди ко мне, – ответила Айшат универсальной фразой, последним женским аргументом во всех дискуссиях, развертывающихся в постели. Вариант того же аргумента («Не прикасайся ко мне»), к счастью, не употребляется между молодоженами.

Снаружи, в стеблях плюща, увивающих фасад непрезентабельного постоянного двора, послышался шорох, и напряженные нервы Хромина мигом усадили его на постели торчком:

– Это еще что?

– Дождь, – успокоительно проворковала Айшат, глядя его по спине, усеянной веснушками, как у всех светлоглазых блондинов. – Или зверек какой запутался.

– Дождь кончился, – пробормотал санинспектор, укладываясь на постель и гадая, отчего чешутся ноги: из-за шерстяного одеяла или по вине тех, кто в нем живет. Последние двадцать лет отучили Диму по укусу определять в темноте вид кровососущего паразита. В Санкт-Петербурге уже десять лет нет клопов. Их съели тараканы. – А зверькам надо бы спать, утро уже.

– Это ночной зверек, – утешала его, укладывая обратно в кровать путем активного оглаживания, молодая и незваная жена. – Это летучая мышка. Или ему не спится, как нам. Как сказал ваш великий поэт: «Не спит с крылом подбитым птица, летя к земле...»

– Было бы нелепо, – хмыкнул Дмитрий, слегка расслабляясь, – если бы она спала. Это кто, Тютчев, что ли?

– Юрий Энтин, – игриво шепнула ему на ухо Айшат, – музыка Шаинского.

Ночной зверек за окном, с хрустом оборвав ветку плюща, издал хриплое проклятие. Вниз посыпались мелкие камушки.

– Летучая крыска, – мрачно сказал Хромин.

– Дядя Салим? – осторожно предположила Айшат.

– Сколько раз тебе говорить...

Почувствовав, что муж готов рассвирепеть, Айшат поспешно согласилась:

– Нет тут никакого дяди, это Древняя Греция.

– Древний Рим! – наставительно поправил Хромин. – К тому же вряд ли твой дядя лазает по стенам и матерится. Не нравится мне все это, Алазань, совсем не нравится.

– Ну, я же здесь. – Айшат, решив не концентрировать внимания на мелких грамматических ошибках в произнесении ее имени любимым, распахнула объятия и тут же сомкнула их, временно обездвигив санитарного инспектора.

Инспектор вздохнул, вернее, попытался вздохнуть, крепко стиснутый поперек грудной клетки. Всюду одно и то же вне зависимости от страны и тысячелетия. Машка рассуждала точно так же. Стоило ей рассказать о возможности реорганизации санэпидслужбы и массовых увольнений, о наездах тамбовцев или осторожно спросить, убивают ли вице-губернаторских зятьев так же часто, как шоферов, и Машка немедленно лезла целоваться, аргументируя свой порыв следующими словами: «Ты только-только мой, никому я тебя не отдам, не бойся, я здесь, слышишь, здесь». Слышу, слышу.

– Это, конечно, очень хорошо, что ты здесь...

Раздавшийся внизу громкий стук в обитое по краям медью окошко двери гулко отдался по всей двухэтажной халупе. Замер шорох за окном. Замерли любовники под пиджаком. И только где-то на первом Этаже послышался голос Апатия:

– Иду, иду! Сейчас, сейчас!

– Тень... – неясно пробормотал Хромин, перевел взгляд с окна на дверь. – Белая тень.

– *Contradictio in adjecto*¹², – шепнула Айшат, проявляя недюжинные познания в логической риторике.

– *Silentium*¹³! – огрызнулся Хромин. – Тихо ты! Помещение внизу, судя по тяжелым шагам и звону оружия, быстро заполнялось хорошо вооруженными людьми. Что-то угодливо лопотал хозяин, а затем громовой бас, бас настоящего латинянина, не привыкшего шутить с вольноотпущенными рабами, спросил:

– Где этот человек?

– Наверху, – суетился Апатий, пытаясь лицом выразить и услужливость, и сознание серьезности момента и одновременно заслонить недописанную шифрограмму для ассирийского резидента, которую по недосмотру не убрал со стола. – Только не один он там, господин декан, а с дамой...

– Центурион! – внушительно уточнил вошедший, поправляя тяжелый шлем на голове. Этим он как бы намекал, что хотя в харчевню втиснулось не более десятка вооруженных воинов, но кто знает, сколько еще толпится на улице.

– Десятник? – переспросила Айшат. Ей сразу представился заляпанный цементом строитель, распекающий ораву плотников.

– Сотник, – поправил Хромин, в свою очередь представив, как в древнеримскую столовку вваливается казачий атаман в папахе с красным околышем и нагайкой у бедра. – Поглядим-ка, что там у нас за окном.

Они осторожно приблизились к столь памятному обоим подоконнику, и немедленно в кривоватом просвете меж приоткрытыми ставнями появилось злобное, но уже тем приятное, что знакомое, лицо Анатолия Белаша.

– А! – сказала лицо, с ненавистью вглядываясь в полуголых соотечественников. – Трахаемся, да? Я тебя, сволочь, что просил сделать? Я тебя просил пленных постеречь! Я тебя не просил никого трахать, и ее в особенности! – С трудом протискивая широкие плечи и срывая ставни с деревянных петель, лидер националистической партии полез в узкое древнеримское окно.

– Если вы имеете в виду события на этрусском капище... – начал Дмитрий, но вежливая его речь была прервана ревом хищника, утомленного издевательствами:

– Да не капище, а упокоище! Русский язык знать надо! Этруски – это русские! Ну да куда уж тебе!? Ты же у нас новый русский! Ты же бизнесмен! Тебе бы только потрахаться, а на людей тебе наплевать! Для тебя народ – быдло! Нет, ты скажи: быдло, ты только скажи, что я быдло!?

¹² Доказательство от противного (лат.).

¹³ Заткнись (лат.).

Белаш не без труда выволок из-под ремня брюк бронзовый меч, взвесил на руке, как бейсбольную битку, потом оправил грязно-белый свитер. Хромин покосился на Айшат, она на него.

– *Inda irae*¹⁴.

– *Volo, non valeo*¹⁵.

– Хватит лопотать не по-нашему! – заорал Белаш, взмахивая мечом и обрушивая на всех троих целую лавину трухи, пыли и мелких живых существ, мирно спавших в трухлявых потолочных досках.

Затем меч звонко ударился о крюк, вделанный в потолок, и Белаша покачнуло. Шагнув вперед, он в хлам раздавил мокрые левкой с гиацинтами, пнул свежeweыглаженные брюки и, отплеываясь, замахал мечом направо и налево.

В полумраке, сгустившемся в результате запыления воздуха раз в двадцать выше мыслимых санитарных норм, Хромин сразу же рухнул на пол. Айшат, повинувшись могучему и не забытому еще вполне девичьему инстинкту, прыгнула на топчан и с головой укрылась пиджаком. Некоторое время в комнате слышались хруст разрубаемого дерева и профессионально тяжелые удары ногами наугад. Кашляющий и чихающий Белый Магистр отработывал классические ката боя вслепую по заветам японской школы «Шумящий лес».

– Ну, едрена перхоть! Доберусь, живой не будешь! Денька два потерпеть не могли! Мне от тебя чего надо? Кровь девственницы надо, шлюха ты подзаборная, среднеазиатская! Собрался человек в Чудь Исконную, так нет, надо в душу нагадить! Все, теперь уши точно поотрубаяю. Обоим! Вы, блин, тут еще, или опять уже где-то трахаетесь?

С этими словами Белый Магистр сделал решительный выпад вперед, прошел, как тупой нож через замерзшее масло, через хлипкую, даром что туго открывающуюся дверь, отпружинил плечом от стены коридора и, по инерции выбежав на небольшую лестничную площадку, попытался затормозить ногой о перила. Увы, ни одна деревянная деталь в харчевне финикийца Апатия не была рассчитана на фонтанирующую энергию славянина Белаша, разрывающего тишину торжествующим звоном меча и возмущенным криком:

– А фигли вы здесь расселись! – Известный в криминальных кругах Петербурга как Батя путешественник во времени обрушился в обеденный зал, заполненный изрядным количеством легионеров, предводительствуемых давно уже бдительно прислушивающимся к дебатам наверху центурионом.

Центурион Пессимий был опытным воином. Два дохода в Северную Африку в чине декана всадников и три подавленных бунта на востоке Пиренеев давно бы сделали из человека его возраста если не консула, то трибуна. Но проклятая дикция, не позволявшая сдать экзамен по риторике, испортила всю карьеру в зародыше, и уже к двадцати семи годам это был озлобленный, не верящий в будущее человек. Что не мешало ему с успехом заниматься тренировкой тела в гимназиях и сальтоморталиях.

Гладко выбритое его лицо выражало усталость, а глубоко посаженные глаза – недюжинный ум, надежно спрятанный за косноязычием. Не так давно, решив изменить свою судьбу, Пессимий начал тренировки дикции хорошо проверенным способом. Набрав речной гальки, он все время таскал с собой изрядный ее запас и не упускал случая покомандовать с набитым ртом.

– Гальку мне! – величественно произнес он, глядя на ноги Белаша, торчащие из груды обломков, еще недавно бывших самым крепким столом в харчевне.

Молодой легионер, специально для этого обученный, втиснулся в двери и подтащил увесистый мешок. Демонстративно не спеша, Пессимий принялся по одному наполнять рот

¹⁴ Успокойся (лат.).

¹⁵ Хочу, но не могу (лат.).

гранитными окатышами, наблюдая эволюции тела рослого варвара. Нормальный человек непременно свернул бы себе шею таким падением, но они там, на севере, чего только не умеют! Из огня возрождаются и из льда оттаивают.

– Штроитша полумешашем! – приказал центурион строго, но шепеляво.

Белаш тем временем разобрался, где в этой харчевне низ, а где верх. Вверху был его меч, с риском для жизни отобранный у римлянина в битве при упокоите, а теперь бесславно торчащий в одной из почерневших от времени балок на уровне второго этажа.

– Я, кажеча, скажал: штроитша полумешашем! – проорал Пессимий, бросая грозные взгляды на оробелых легионеров.

Те страсть как не любили эти риторические самоуроки своего центуриона. Крику и обид после них хватало на десять боевых операций. Белаш подобрал тяжелую скамью и двинулся вперед, одновременно прикрывая себя и угрожая воинам Рима.

– Ну что, чучмеки недоделанные, – бормотал он тс блатным придыханием, – взяли за рупь двадцать?

Ближайший легионер осторожно потыкал копьем в скамью и вопросительно поглядел на начальника.

– Што ты на него шмотришь? – взорвался центурион. – Не видишь, это варвар! Дикий, нешिवилижованный, шо слаборажвитым национальным шамошожнанием!

Тут легионера отвлекло от риторического мастерства военачальника чувствительное соприкосновение тяжелой скамьи со своим шлемом. Копье куда-то делось. Вторым пинком Белаш отправил оппонента в гущу сослуживцев, головой вперед. Ряды легиона смешались.

Далее Белый Магистр гоголем прошелся перед изломанным строем молодежи, одетой в бронзово-кожаные доспехи. Надвинулся на центуриона, совершавшего сложные жевательные движения, и, постукивая себя скамьей по ноге, обратился к нему со следующими словами:

– Жидковаты вы, чурки неумытые, против русского парня Толи Белаша! Ты, похоже, тут главный, чувырло невнятное, так вот что я скажу тебе. Я сюда пришел на разборку с парнем, который у меня телку увел, и ежели хоть одна медная башка начнет тут права качать насчет злостного хулиганства и причинения вреда здоровью...

Но тут он был перебит в свою очередь, ибо центурион с отвращением выплюнул Магистру под ноги пригоршню гравия (Белаш расценил это как оскорбление) и громким, четким голосом, тем самым голосом, что помнили зеленые холмы Африки и плоские, как грудь кормившей женщины, пригорки Испании, рявкнул:

– А ну сомкнулись полумесяцем!

Строй легионеров дрогнул, как один человек, ошетинился копьями, и Белаша мигом отнесло в глубь помещения. Магистр затравленно огляделся, но справа и слева и даже сверху, казалось, надвигалась стена, закованная в кожу и медь, у стены было множество ног, а вместо рук – острия пик, а глаза смотрели одинаково безразлично, и все на него, на Белаша.

Хрум, хрум, хрум!

Обутые в сандалии ноги стучали ровно, как у пионерского отряда на летней прогулке, но это были не те сандалеты с алюминиевыми пряжечками: деревянная основа крепилась к ногам легионеров сыромятным ремнем с металлическими бляхами, и узор витков на голени одного легионера в точности соответствовал расположению их на голени соседа справа и слева.

Хрум! Еще шаг, и шеренга остановилась, не донеся десяток пик на пол-локтя до груди белого свитера.

– Грязного, бездомного, бездумного, дикого, нецивилизованного варвара, во имя владычества Рима вечного, нескончаемого, республиканских свобод и благополучия граждан...

– Центурион Пессимий сделал хорошо выученную паузу, набрал в грудь воздуха и гаркнул:
– ВЗЯ-АТЬ!

Первый ряд легионеров дружно повернул копья Атриями вниз, и десять копейных рукояток обрушилась на Белого Магистра, вышибая из рук скамеечку, сгибая плечи, подламывая колени. Тут же первый ряд расступился, и из-за их спин показались еще десять человек с безразличными глазами, четверо повисли на одном широком плече лидера русских националистов, еще четверо – на другом, а оставшиеся уже орудовали хорошей веревкой, сплетенной из лучшей аравийской конопля.

– А-а, волки позорные! – выражал протест Белаш, когда бесстрастные легионеры, перетянув ему веревкой руки и ноги, обматывали ею голову – сзади за шею, спереди через рот. – Полукровки развратные, чукчи поганые, менты продажные, жидовские, черномазые! Му-со-ра!

* * *

– Они считают, что его зарезал я! – шептал Хромин, спускаясь вниз по плющу. – И ты считаешь, что его зарезал я. А я так считаю, что это опять подстава того клятого кагэбэшника, этого твоего «вооруженного офицера»! Твоего яростного воина мы только что видели.

– А не думаешь ли ты, что это цепь случайностей? – спросила Айшат, уже спустившаяся на землю. В руках она держала свои туфли и выглаженные брюки Хромина. – Как сказал ваш великий поэт...

Тонкая лоза, не выдержав массы чиновника, оборвалась, и он заскользил по стене, как кот по занавеске. Поднялся на ноги, отряхнулся, поправил трусы и, подойдя к поэтически подкованной спутнице, взял ее двумя пальцами за подбородок:

– Нам не дано предугадать? – ледяным тоном осведомился он. – Как слово наше отзовется? Девушка, ты – с периферии, тебе простительно, но взрослых опытных людей учить не надо! – Дима отобрал у Айшат брюки, натянул их и стал на скорую руку застегивать. – Поживи с мое, поймешь, что случайно не бывает ничего, ничего. Все, что бывает, это чья-то подстава. Слушай!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.